

Приложеніе.

Письма проф. Е. К. Рѣдина къ проф. Н. Ѳ. Сумцову.

Константинополь 15 мая 1898 г. (пятница).

Дорогой и многоуважаемый Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ, всему Вашему семейству и всѣмъ окружающимъ меня изъ Царьграда.

Вотъ уже пятый день, какъ я обитаю здѣсь. Цѣлые дни провожу въ блужданіяхъ по городу и чѣмъ болѣе знакомясь съ Константинополемъ, съ его памятниками, съ чудной природой, окружающей его, тѣмъ болѣе прихожу въ восторгъ, восхищеніе. Здѣсь такъ своеобразна природа, здѣсь такъ очаровательна природа, здѣсь такое обиліе восхитительныхъ видовъ, открывающихся съ различныхъ пунктовъ города, здѣсь много замѣчательныхъ памятниковъ искусствъ, старины — отъ бывшей древней Византіи, что я положительно нахожусь теперь въ какомъ-то чадѣ отъ восторга, упоенія всѣмъ этимъ; мнѣ временами кажется, что я во волѣ волшебницы перенесенъ въ сказочный міръ...

И вотъ я тороплюсь познакомиться съ нимъ, насладиться всѣмъ, что онъ даетъ лучшаго, характернаго въ своемъ настоящемъ и въ прошломъ. Уходя изъ дому въ 9 час. утра, я возвращаюсь въ часъ ночи. Хожу много; концы длинные... Хожу по узкимъ, грязнымъ, шумнымъ улицамъ, на которыхъ восточная жизнь бьетъ ключемъ; хожу по площадямъ, базарамъ; захожу въ мечети, бывшія греческія церкви и вбрасываюсь ихъ архитектурой, дающей столько простору, свѣту; люблю знаменитую столь близкую и дорогую нашему сердцу по разнороднымъ воспоминаніямъ св. Софію, иду въ Ипподромъ и осматриваю оставшіяся отъ него незначительные по количеству, но грандіозные, величественные памятники, уношусь въ глубь вѣковъ, ко временамъ Юстиніана и предо мной встаютъ картины того, что здѣсь на этой тихой пустынной, пыльной площади происходило; иду въ музей Чипили-Кіоскъ

и погружаюсь въ созерцаніе древнихъ памятниковъ греческаго искусства—его перловъ—барельефовъ, саркофаговъ «Александра Великаго», «Плакальщицъ».

Имена—Пера, Галата, Стамбуль, Скутари—не являются для меня пустыми звуками. Я видѣлъ эти мѣста воочію; я окунулся въ міръ своеобразной жизни, кипящей въ нихъ; я пережилъ самъ тѣ чудныя впечатлѣнія отъ красоты Босфора, Золотого рога, отъ единственнаго въ мірѣ мѣстоположенія города, которыя испытываютъ вообще всѣ его посѣтителѣ—путешественники, описатели его.

У меня нѣтъ времени и возможности разобраться во всѣхъ впечатлѣніяхъ. Ихъ такъ много, и такъ они прекрасны, что я опасаюсь, что не успѣю запечатлѣть ихъ въ дневникѣ. Пребываніе мое здѣсь такъ коротко, а каждый новый день приноситъ новый міръ красоты, восторга.

А тамъ, не успѣлъ познакомиться и съ малой долей того, что ждетъ здѣсь всякаго, ищущаго не однихъ лишь эффектовъ, любящаго старину и желающаго по ней поучиться, придется окунуться въ новый міръ впечатлѣній отъ св. Аѳонской горы, ея монастырей, съ ихъ памятниками. Завтра я это и долженъ буду сдѣлать.

Мнѣ жаль разставаться съ Константинополемъ, но я утѣшаю себя тѣмъ, что не разъ еще посѣщу его въ будущемъ и лучше изучу его, его поучительные памятники.

Былъ нѣсколько разъ въ Рус. Археол. Институтѣ и видѣлъ О. И. Успенскаго.

Желая Вамъ здоровья, счастья и прося меня не забывать, остаюсь преданный Вамъ *Е. Рьдинъ*.

Хиландарскій монастырь 31 мая 1898 г.

Дорогой Николай Оеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ я путешествую по св. горѣ Аѳонской. Посѣтилъ уже нѣсколько монастырей—въ сообществѣ съ проф. Н. П. Кондаковымъ. Пребываніемъ своимъ здѣсь я очень доволенъ, такъ какъ время проходитъ съ пользою. Природа здѣсь очаровательная, но обстановка монашеской жизни, весьма своеобразной, производитъ тягостное впечатлѣніе; безъ работы здѣсь жить тяжело, скучно, монотонно. Почта съ Аѳона уходитъ только въ двѣ недѣли разъ, а потому извините, что такъ рѣдко пишу Вамъ. Позволю себѣ подѣлиться съ Вами тѣми отрывочными впечатлѣніями, которыя иногда заносу въ дневникъ.

Въ субботу (16 мая) въ 4 часа я попалъ на пароходъ «Одесса», который повезъ меня изъ Константинополя на Аѳонъ. Съ парохода открывался чудный видъ на городъ. Я теперь еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ любовался имъ, теперь многое изъ представившагося моимъ взорамъ было уже знакомо мнѣ... На пароходѣ публика уже иного характера, чѣмъ та, которая была на проѣздѣ до Константинополя. Видны итальянцы, монахи, любители-путешественники. Всѣ размѣстились на палубѣ и ходятъ группами, или сидятъ. Вотъ мужичекъ сидитъ съ молитвенникомъ и читаетъ его; вотъ старикъ безъ шапки ходитъ по палубѣ и смотритъ съ любопытствомъ на городъ; а вотъ молодые монахи расхаживаютъ по палубѣ и о очемъ-то оживленно бесѣдуютъ; большинство, какъ я вижу, русскіе. Одинъ изъ нихъ, съ которымъ я познакомился, состоитъ молодой; изъ рассказовъ его видно, что онъ стремится къ знанію, занимается въ библіотекѣ Р. А. Института (въ Константинополѣ) и тяготеетъ аѳонской жизнью, суровымъ, неестественнымъ отношеніемъ стариковъ къ знанію вообще, а его — въ частности... Вечерѣетъ. Солнце скрывается за темноватая облака, и лучи его, прорѣзываясь сквозь нихъ, окрашиваются краснымъ пламенемъ. Какой контрастъ съ темной синей массой моря! Что за поэтическая, колоритная картинка! На палубѣ въ своей кибиткѣ поетъ албанецъ; его пѣсня заунывна и вполне отвѣчаетъ характеру вечера, окружающей природѣ, тому сумраку, что спускается на окрестности еще слегка берега, на нашъ старый, медленно подыгающийся пароходъ... И онъ несетъ меня къ Аѳону, къ той святой горѣ, о которой такъ часто я слышалъ еще въ дѣтствѣ. И вотъ я вспоминаю теперь рассказы матушки, вспоминаю картинки съ изображеніями горы Аѳонской въ видѣ конуса, надъ которымъ вверху Богородица простираетъ свой покровъ... Цѣлый день въ воскресенье мы ѣхали. Къ полудню стала выдвигаться св. гора. Всѣ пассажиры подолгу стояли на носу корабля и смотрѣли впередъ. Въ 6 час. мы уже подѣхали. Совсѣмъ ясно видны выходящіе по горѣ тамъ и сямъ монастыри, келейки. Съ массой богомольцевъ высадились на берегъ. Часовъ до 10 ожидали, пока отойдетъ пароходъ; въ 10 ч. сѣли въ лодку и съ опасностью (вѣтеръ поднималъ громадные волны) болѣе $\frac{1}{2}$ часу ѣхали въ монастырь. Вотъ онъ и предсталъ. Это громадный замокъ, цѣлый городокъ — Русскій Пантелеймоновъ монастырь. Утромъ (въ понедѣльникъ) слушалъ въ церкви обѣдню; прекрасное пѣніе монаховъ. Послѣ обѣда отправился въ путь на мулахъ — въ сопровожденіи монаха чрезъ всю гору. Къ 5 ч. пріѣхалъ въ Иверскій монастырь, гдѣ и нашелъ проф. Н. П. Кондакова. Тотчасъ же съ нимъ и съ Марромъ (нашъ спутникъ) отправились къ бывшему Констан-

тинопольскому патріарху. Въ получасовомъ разстояніи у моря стоитъ башня и церковь; здѣсь и живетъ патріархъ. Осмотрѣли церковь, пидчай, любовались съ платформы видомъ и затѣмъ опять въ монастырь. Утромъ во вторникъ вновь были у патріарха, затѣмъ посѣтили монастырь *Ставроникиту*. Въ среду, въ 2 часа, попрощались съ монахами, сѣли въ лодку и болѣе двухъ часовъ ѣхали по морю, наслаждаясь чудными видами на берегъ, на аѳонскія горы, на возвышающіяся здѣсь и тамъ въ зелени кельи. Вотъ и подѣхали къ *Ватопедскому монастырю*. Уже издали онъ поражаетъ своими размѣрами и красивымъ мѣстоположеніемъ. Какъ и всѣ аѳонскіе древніе монастыри, онъ напоминаетъ крѣпость; обнесенъ высокою стѣною, имѣетъ башню и пр. Чрезъ св. ворота вошли въ прекрасно вымощенный дворъ — съ чуднымъ св. источникомъ и съ красивыми подъ мраморъ церквами, колоннадами; тутъ же во дворѣ садикъ, состоящій изъ однихъ лимонныхъ деревьевъ. Устроившись въ архондарикѣ, отправились въ соборъ и были поражены его убранствомъ, красотой его — онъ весь украшенъ фресками съ любопытными гектографическими изображеніями и затѣмъ — что наиболѣе замѣчательно — его древностями — то единственными въ своемъ родѣ мозаичными, то живописными иконами, то барельефами въ золотѣ, мѣди. Положительно это — единственный въ своемъ родѣ музей памятниковъ византійскаго искусства.

Послѣ осмотра отправились съ визитомъ къ эпатрону (начальнику монастыря), который принялъ насъ въ полномъ собраніи всѣхъ старцевъ — монаховъ. Н. П. Кондаковъ изложилъ черезъ переводчика (русскаго монаха), что его прислалъ самъ Россійскій Государь съ порученіемъ осмотра, изученія аѳонскихъ древностей для образца русскимъ церквямъ и просилъ разрѣшенія фотографировать все, изучать. Одинъ монахъ отъ лица всѣхъ выразилъ на то полное согласіе; «весь монастырь въ Вашихъ рукахъ», сказалъ онъ. Мы, довольные результатами свиданія, пошли въ свою келью. Послѣ ужина любовались моремъ, южнымъ небомъ. Отправились въ церковь слушать всенощную. Такъ называется богослуженіе подъ праздники, совершаемое дѣйствительно въ теченіе всей ночи; въ 5 ч. утра начинается новое — литургія; такимъ образомъ монахи должны непрерывно пребыть въ церкви около 12 часовъ. Что за торжественное зрѣлище предстало предъ нами, когда мы въ полутемнотѣ вошли подъ своды старой церкви, со стѣны которой, съ купола глядѣли на насъ древнія фресковыя изображенія, а у самыхъ стѣнъ, въ сидѣніяхъ (формахъ) увидѣли фигуры монаховъ, одѣтыхъ во все черное. Слышно то чтеніе, то пѣніе... Огоньки еле мерцаютъ. Мы съ благоговѣніемъ приложились къ иконамъ и стали у стѣны. Я всматривался вверхъ церкви

и еще замѣчалъ въ живописи фигуры святыхъ, я всматривался въ
фигуры монаховъ и видѣлъ ихъ суровые глаза, пронизывавшіе
меня, я вслушивался въ пѣніе, но оно навѣвало меланхолію своимъ
образомъ, монотонностью и малой гармоничностью. Сильнѣе дѣйство-
вала на мое воображеніе вся окружающая меня обстановка. И подъ
вѣніемъ ея, сильныхъ разнообразныхъ впечатлѣній, испытанныхъ за
этотъ день, я, возвратясь въ келію, занесъ вышенаписанное въ дневникъ.

Въ четвергъ (21 мая) съ ранняго утра отправились въ соборъ
монастыря и стали заниматься описаніемъ его замѣчательныхъ памятниковъ
искусства.

Ночь вечеръ гуляли въ окрестностяхъ монастыря и вновь по всему
его двору и наслаждались очаровательными картинами, глядѣвшими на
насъ изъ каждаго угла этого двора, отъ каждой башни, церкви. Цѣлый
день (въ пятницу 22-го мая) проведенъ плодотворно въ занятіяхъ,
копировали, фотографировали иконы мозаичныя, фресковыя. Въ субботу
еще цѣлый день занятій. Обошли весь монастырь, всѣ предѣлы собора,
всѣ двѣри, находящіяся въ оградѣ монастыря. Послѣ ужина были въ
соборѣ. Завтра—Троица, а потому у монаховъ всенощное бдѣніе. Мы
справно вновь пріютились, какъ и они, въ формахъ и смотрѣли на окру-
жающую насъ монаховъ, на извѣстную отлично намъ обстановку, но въ
этомъ освѣщеніи. Торжественъ былъ моментъ, когда при пѣніи «хвалите
Господа съ небесъ» зажгли всѣ «форосы» (люстры) и послѣдніе стали
медленно раскачиваться, словно хоробы въ пляскѣ, прославляющіе Творца....

Въ четвергъ (28 мая) прощались съ Ватопедомъ. Были горжественные
приваніи. Всѣ монахи пришли до лодки, на которую мы сѣли. Болѣе
всѣхъ бѣдали мы моремъ; лодку качало, и я чувствовалъ себя дурно. По-
кинули монастырь *Эсфигменъ*, стоящій прямо у самого моря, обнесенный
каменной оградой съ пиргой. Въ этой оградѣ, т. е. толщѣ стѣны устроены
келіи—лучшія комнаты, обращенныя видомъ на море, плескъ котораго
слышенъ ежеминутно, когда сидишь у окна келіи, какъ это я
испытываю теперь. На берегу насъ встрѣтилъ игуменъ, и мы направились въ
монастырь. По обычаю мѣстному Васъ ведутъ сейчасъ въ «архандарикъ»,
т. е. гостиную, пріемную—съ нарами, покрытыми коврами, съ картинами,
портретами различныхъ государей, повѣшанными на стѣнахъ. Вы садитесь,
и Васъ предлагаютъ какую—нибудь сладость, варенье и сладкіе напитки;
Васъ ложечкой этой сладости, Вы ложку опускаете въ стаканъ, а изъ
другаго стакана запиваете сладость водой. Объяснивъ цѣль нашего пріѣзда,
получивъ соотвѣтствующія грамоты, отправляемся въ главную церковь,
которая по обыкновенію расположена въ срединѣ двора. Въ монастырѣ

Эсфигмена церковь совершенно новая и блеститъ вся, много русскихъ иконъ и другихъ предметовъ—церковной утвари, такъ какъ монастырь возобновился русскими и на русскія деньги. Поклонились св. мощамъ—частямъ древа Господня, головамъ, костямъ различныхъ святыхъ. Намъ подробно называли имена этихъ святыхъ—не такъ, какъ поклонникамъ, русскимъ мужичкамъ, пришедшимъ послѣ насъ сюда-же въ церковь въ сопровожденіи русскаго монаха изъ Пантелеймоновскаго монастыря. Съ какимъ благовѣніемъ прикладывались они къ этимъ мощамъ, къ иконамъ. По ихъ костюмамъ, лицамъ видно, что путь ихъ былъ тяжелъ.... Мы занялись обзоромъ монастыря и его достопримѣчательныхъ памятниковъ. Было уже 12 час. и насъ пригласили обѣдать. За обѣдомъ было много рыбы, но исполненія плохого и нечисто подается. Масло и лукъ даютъ знать о себѣ весьма сильно, а еще болѣе непріятно дѣйствуютъ тряпочки, лежащія на столахъ для обтиранія ножей и вилокъ, такъ какъ послѣднія при перемѣнѣ блюдъ не перемѣняются. Послѣ обѣда пили кофе, а затѣмъ разошлись по кельямъ. Я сѣлъ у окна записывать впечатлѣнія отъ видѣннаго, испытаннаго, а Н. П. Кондаковъ дѣлалъ акварелью видъ горы, на которой стоитъ церковь св. Антонія Печерскаго; здѣсь, по преданію, онъ жилъ на пути въ Россію. Чудный видъ открывается съ балкона, на которомъ сижу я, на эту высокую остроконечную гору съ небольшою церковью, ютящеюся въ зелени и на свѣтлое голубое море, широкое, просторное, ударяющееся своими волнами о берегъ. Невидно ни души человѣческой; одна ширь свободного моря предъ тобой, да стоящія въ заливѣ парусныя лодки. Прекрасна природа и хорошо среди нея, но необходимо, чтобы и на душѣ было бы легко, свободно...

Послѣ Эсфигмена мы посѣтили два славянскихъ монастыря—Хиландарскій, Зографскій, а въ настоящее время обитаемъ вновь въ монастырѣ св. Пантелеймона, отсюда уже будемъ выѣзжать въ нѣкоторые оставшіеся неосмотрѣнными монастыри.

Завтра (въ пятницу) отходитъ пароходъ въ Константинополь, и я спѣшу окончить мое письмо къ Вамъ. Простите грѣшнаго брата Георгія, если онъ своими блѣдными красками не сѣмѣлъ представить предъ Вами той поэтической картины, которая проходитъ предъ нимъ въ безконечномъ числѣ варіантовъ, представляя и чудные виды природы и своеобразную жизнь монаховъ отшельниковъ. Отсюда въ половинѣ іюня собираюсь въ Солунь, а тамъ въ Аѣины. Если буду живъ, здоровъ, то постараюсь, какъ позволятъ силы, подѣлиться своими впечатлѣніями, а пока, желая Вамъ здоровья, счастья и всего лучшаго и прося не забывать меня, остаюсь любящій Васъ и крѣпко уважающій Вашъ *Е. Рюдинъ*.

Аѳины, 1898 г. 28 іюня.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Черезъ недѣлю съ небольшимъ я уже возвращусь на родину: по-
ѣзжалъ, гдѣ предполагалъ, испыталъ много удовольствія; не удалось
заѣхать въ Италію: истощились денежные средства. Подѣлюсь, какъ
я, своими впечатлѣніями отъ пребыванія въ Аѳинахъ и прошу не
забывать меня, когда изъ дальнихъ и пріятныхъ странствованій возвра-
тись подъ скромный кровъ того дома, что стоитъ недалеко отъ стараго —
прежняго моста бѣдной теперь, вѣроятно, уже совсѣмъ пересохшей
ручьи «Харьковъ».

Вотъ они великіе Аѳины «*omnium artium inventrices*». Уже болѣе
нѣмъ я живу въ этомъ городѣ и не могу войти въ спокойную колею;
я все еще смотрю на него, гуляю по его улицамъ, посѣщаю его па-
мятники, святыни въ какомъ то радужномъ, восторженномъ настроеніи.
И странное дѣло: всѣ эти святыни, памятники давно уже извѣстны тебѣ,
но тѣмъ не менѣе, подходи теперь къ нимъ впервые, получаешь отъ нихъ
впечатлѣніе не менѣе сильное и пріятное, чѣмъ, если бы ихъ видѣлъ
первое; мнѣ кажется, что они теперь являются особенно пріятными,
интересными, производятъ сильное впечатлѣніе потому, что уже давно зна-
ешь тебѣ, свиданіе съ ними—свиданіе съ старыми дорогими друзьями...

Рой историческихъ воспоминаній проходитъ у тебя при видѣ
извѣстнаго памятника, при посѣщеніи извѣстнаго мѣста...

Какъ въ Римѣ самой дорогой святыней, какъ бы олицетвореніемъ
его въ одномъ памятникѣ—является соборъ св. Петра, такъ здѣсь Акро-
поль съ его памятниками. И я первымъ долгомъ отправился къ нему—
принести дань почтенія великому творенію Фидія—Пароенону.

Было прекрасное тихое іюньское утро. Въ воздухѣ была еще свѣ-
жесть, прохладно. Я съ увлеченіемъ шелъ по улицамъ, ровнымъ, прекрасно
застроеннымъ, съ небольшими, бѣленькими, довольно однообразной архи-
тектуры домами по обѣимъ сторонамъ. Вотъ я на площади Конституціи —
очень красивой, съ садикомъ. Вокругъ этой площади сосредоточены лучшіе
кафе, гостиницы, а по вечерамъ здѣсь толпится народъ, сидятъ за
столами, утоляютъ свою жажду скромными напитками, въ то время,
когда веселые мальчишки пробѣгаютъ мимо съ кипами газетъ, выкрикивая
ихъ названія. Съ площади я вступилъ на прекрасную, широкую, длинную
бульварную улицу; прошелъ мимо русской церкви—большой, ви-
зантийскаго храма съ замѣчательной колокольней; мимо новой англійской

и пройдя еще нѣсколько шаговъ, былъ пораженъ представшей предо мною картиной. Тамъ вдали какъ бы въ концѣ города возвышается громадная гора, или вѣрнѣе скала—это Акрополь. Онъ ярко выдѣляется со своими разноцвѣтными камнями, съ темной массой стѣнъ, стройно подымающихся вверхъ, со своими колоннами; Парѳенонъ—въ этой средѣ. Надъ нимъ и вокругъ него свѣтлое голубое небо, слегка подернутое свѣлорозовыми и бѣлыми облачками. И этотъ Акрополь такъ часто видѣлся мнѣ съ различныхъ пунктовъ города, гдѣ я не находился. Онъ дѣйствительно уже по одному своему положенію являлся (и теперь является) центромъ города, гдѣ хранится его «святое святыхъ».

Взглянулъ я налѣво и увидѣлъ прекрасную арку Адріана и еще далѣе рядъ колоннъ также красиво вырисовывающихся въ нихъ при утреннемъ освѣщеніи—отъ колоссальнаго храма Зевса. Я подошелъ къ этимъ памятникамъ и осмотрѣлъ ихъ. Но Акрополь, виднѣющійся вдали, влечетъ къ себѣ. Я пошелъ далѣе и замѣтилъ въ концѣ улицы стройныя Лизикратовъ памятники, подхожу къ нему и осматриваю его со всѣхъ сторонъ. Возвращаюсь назадъ и иду по прекрасной дорогѣ, обсаженной красивыми деревьями. Справа у меня все время виднѣлся Акрополь. Я уже близко отъ него и вотъ у самой подошвы вижу цѣлый лѣсъ колоннъ, обломковъ статуй, барельефовъ, словомъ цѣлое кладбище мрамора, бывшаго въ рукахъ человѣка, который прилагалъ для обработки его усилія своего ума, вкуса. Я пошелъ чрезъ ворота города въ средину развалинъ Діонисовскаго театра; основанія его, сцены, оркестры, а равно самыя сидѣнія—лѣвы и я посидѣлъ на одномъ изъ нихъ, въ первомъ ряду Діонисовскаго жреца, помечталъ и отправился далѣе къ развалинамъ святилища Асклепія и къ колоссальнымъ, производящимъ сильное впечатлѣніе даже въ настоящее время развалинамъ Одеона-Ирода, съ фасадной стѣной въ два этажа, съ сидѣніями, какъ въ театрѣ Діониса. А Парѳенонъ сбоку отъ меня, высится и влечетъ къ себѣ. Я возвращаюсь на дорогу—аллею, прохожу мимо площадки, засаженной чудной красоты кактусами, изъ которыхъ, какъ цвѣты, выходятъ стройныя, подобныя пальмѣ, деревья съ красивыми желтыми цвѣтами, увѣнчивающими, какъ вѣнокъ стволы этихъ деревьевъ. Вотъ я у воротъ Беле и боковымъ входомъ поднимаюсь по лѣстницѣ, ведущей въ Пропилеи и можетъ быть это Вамъ покажется страннымъ, но, признаюсь, съ благоговѣніемъ ступаю я по тѣмъ ступенямъ, по которымъ подымались Аѳиняне во времена Перикла (и ранѣе) въ торжественныхъ процессіяхъ къ Парѳенону. Вотъ они чудныя Пропилеи, колоссальныя и вмѣстѣ красивые, величественныя—съ этими дорическими колоннами, съ этими портиками, пятью входами,

Справа виднѣется граціозный храмъ Ники Аптерось, выступая какъ бы впередъ изъ Акрополя въ воздушное пространство, и я не утерпѣлъ, чтобы не подойти къ нему, не полюбоваться имъ поближе тѣмъ видомъ, какъ открывается съ его площадки и что такъ прекрасно воспѣто Байрономъ. Воротами Пропилеевъ вступаю на каменистую почву Акрополя и черезъ нѣсколько шаговъ останавливаюсь у самого величественнаго Парфенона, у его колоннады; сажусь на ступени, ведущія въ самый храмъ и задумываюсь.....

Было уже около полудня. Солнце палило невыносимо. Оно ослѣпляетъ своимъ свѣтомъ и весь городъ, виднѣвшійся съ Акрополя, казался однимъ-то сѣрымъ, выжженнымъ пятномъ. Я поспѣшилъ спрятаться и проникнуть въ Акропольскій музей и былъ очень доволенъ. Этотъ музей — такое дополненіе къ тѣмъ памятникамъ, что на Акрополѣ, памятникъ музея обновилъ Акрополь, восполнилъ его картину не воображеніемъ, а реальными памятниками. И вотъ я предъ этими замѣчательными памятниками — скульптурой на порогѣ времени Пизистрата, предъ этими статуями женщинъ, дошедшихъ до насъ съ головами, во всемъ одѣяніи, уборахъ, сохранившимъ свою окраску. Это не богини, не типы женщинъ вообще, а отдѣльные индивидуумы со всѣми типичными признаками ихъ характеризующими. Предо мною были аѳинянки VI в. во всемъ ихъ уборѣ, во всей ихъ наивной прелести. Я предъ метопами, фризами, статуями Парфенона, и прелесть, строгая красота созданій Фидіа такъ и чувствуется въ нихъ, геній его паритъ здѣсь, какъ и надъ самимъ Парфенономъ. Мало я любовался и другими памятниками и уже послѣ обѣда (для меня, конечно, спускался въ городъ) обошелъ весь Акрополь снова и долго стоялъ у граціознаго храма Эрехтейона съ его дивными, безсмертными каріатидами, съ его изящными іоническими колоннами и особенно санителями. Съ площадки, находящейся на задней части Акрополя я долго любовался представившимся моему взору видомъ съ горами на горизонтѣ, съ новымъ городомъ, расположеннымъ внизу со своими низкими бѣлыми домиками, съ зеленью, осыняющею ихъ, съ виднѣющимися тамъ и сямъ развалинами древняго города.

Мнѣ не хотѣлось уходить съ Акрополя, такъ онъ поразилъ меня своимъ видомъ, тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня. Такія впечатлѣнія рѣдки и они останутся у меня на всю жизнь самыми дорогими пріятными.....

Но вотъ свистокъ стражи указываетъ, что пора уходить и я медленно, оглядываясь временами на Пропилеи, спускался по ступенямъ стѣны и вступилъ уже въ городъ, не разъ останавливался и любо-

вался на чудное зрѣлище, представляемое имъ, этимъ Акрополемъ, при вечернемъ освѣщеніи.

Съ тѣмъ-же чувствомъ удовольствія, восторга я посѣтилъ, осмотрѣлъ другія достопримѣчательности Аѣинъ, какъ напр. тутъ-же недалеко находящійся отъ Акрополя—Ареопагъ, башню вѣтровъ, колоссальный и удивительно сохранившійся Тезейонъ—лучшій образчикъ дорической архитектуры и нѣкоторые другіе. Ихъ всѣхъ немного. Но лучшимъ дополненіемъ къ нимъ имѣются музеи—Акропольскій, о которомъ я уже говорилъ и Центральный. Чего только послѣдній не заключаетъ въ себѣ! Осмотръ его вводитъ васъ во всѣ эпохи греческаго искусства, начиная съ миѣнскаго періода и кончая римскимъ. Здѣсь всѣ сказочныя богатства открытыя Шлиманномъ, здѣсь лучшіе оригиналы скульптуры, вазовой живописи, терракоты, бронзы; здѣсь цѣлое древне-греческое кладбище—съ громаднымъ количествомъ надгробныхъ стеллъ, памятниковъ вѣры. И когда я послѣ посѣтилъ Динилонъ и увидѣлъ слабые остатки могилъ надгробныхъ памятниковъ, то только вспоминая видѣнное въ музеѣ, могъ ясно и живо представить, какъ богато были убраны кладбища у древнихъ Грековъ и какъ всюду они вносили красоту, изящный вкусъ.

Обращаясь отъ древнихъ Аѣинъ къ новымъ, я невольно вспомнилъ объ Италіи и итальянцахъ. И странное дѣло—м. б. это объясняется случайными обстоятельствами—лѣтомъ, несчастнымъ состояніемъ Греціи послѣ войны, мнѣ показалось, что итальянцы куда живѣе, жизнерадостнѣе грековъ. Тамъ жизнь дѣйствительно бьетъ ключемъ, а здѣсь она словно замерла: и народу какъ-то видно мало, да и не выглядываетъ онъ молодцомъ, смѣлымъ, бойкимъ. На этихъ солдатъ и офицеровъ, что ходятъ по улицамъ, досадно смотрѣть, а народа, толпы, которая обыкновенно въ Италіи кишитъ на улицахъ, живетъ полной жизнью—я не вижу. Нарочно ѣздилъ въ Воскресенье въ Фалеру, гдѣ морскія купальни, итальянская опера и присмотрѣлся къ греческой аристократіи, по крайней мѣрѣ той, что была тамъ: бѣдна она и захудала. Но нельзя не отдать чести гречанкамъ; среди гулявшихъ я замѣтилъ много стройныхъ, граціозныхъ и съ интеллигентнымъ выраженіемъ въ лицѣ, хотя и скромно одѣтыхъ...

Но не удивительно, впрочемъ, что теперь жизни мало видно. Здѣсь такая тропическая жара, что въ полдень положительно свѣта Божьяго не видно и оттого, именно, что онъ одинъ только и царитъ надъ землею.

Но несмотря на эту жару, я въ высшей степени доволенъ и радъ, что посѣтилъ Аѣины: исполнилась моя завѣтная мечта, и я могу съ гордостью и радостью вспоминать о своемъ пребываніи здѣсь, о тѣхъ чудныхъ впечатлѣніяхъ, которыя выношу отсюда.

Въ заключеніе своего пребыванія въ Аѳинахъ — сдѣлалъ двѣ экскурсіи — одну въ Дафну, монастырь, находящійся въ часовомъ разстояніи отъ города, а другую въ Олимпію. Церковь м. Дафни украшена прекрасными византійскими мозаиками, лучшими изъ извѣстныхъ, XI вѣка; къ сожалѣнію, недавно онѣ сильно пострадали послѣ землетрясенія; однако и то, что осталось, можетъ доставить наслажденіе своей красотой даже и не знающемуся византійскимъ искусствомъ.

Поездка въ Олимпію—это вновь праздникъ по тѣмъ пріятнымъ впечатлѣніямъ, которыя она произвела на меня—это—словно мечта поэта, это чудное видѣніе... И въ самомъ дѣлѣ—что за прелесть и красота эта только дорога изъ Аѳинъ до Олимпіи!

Въ теченіе цѣлаго дня предо мною проходили одна картина за другою—чудные пейзажи, съ небольшими холмами, горами, долинами, изобилующими пальмами, кипарисами, пиніями, маслинами, виноградниками, и съ моремъ, тихимъ, спокойнымъ, свѣтлоголубымъ, изумруднымъ. Поездъ все время идетъ около этого моря, т. е. сначала Сароническаго залива, а затѣмъ Коринѣскаго; и что за воздушныя, эфирныя перспективы открывались вдаль, на противоположныхъ берегахъ, на синѣющихъ на горизонтѣ горахъ. Пейзажъ тихій, граціозный, не бьющій по нервамъ, поражающій колоссальностью, и доставляющій спокойное наслажденіе такой красотой, близкой, доступной человѣку, восхищающей, но не поражающей его. Лишь въ такой обстановкѣ—радость и, неудивительно, что греки населяли въ своемъ воображеніи эту обстановку такимъ же рядомъ прекрасныхъ божествъ какъ они сами—люди. Я проѣхалъ Элевтеръ, Мегару, Истмійскій перешеекъ, видѣлъ каналъ, соединяющій два залива, видѣлъ Коринѣ, Патрасъ, массу деревень, вилъ и около 9 час. вечера былъ, наконецъ, въ Олимпіи. Когда я очутился въ комнатѣ гостиницы и открылъ тамъ окно, то увидѣлъ подернутую уже ночнымъ сумракомъ священную долину. Рано утромъ, въ 4^{1/2} ч., я проснулся и когда взглянулъ въ то-же окно, то былъ пораженъ чуднымъ пейзажемъ, открывшимся предо мной. Невдалекѣ виднѣлась долина, въ зелени, съ группами деревъ, пересѣченная оврагомъ, по которому течетъ небольшой ручеекъ, Кладіось, виновникъ гибели и сохраненія памятниковъ священнаго Алтиса, усыпанный горами развалинъ, начинающихся отъ самой пологости прелестнаго холмика Критта. Тутъ-же невадалекѣ отъ развалинъ видна синей лентой Алфей, а вокругъ долины рядъ холмовъ, одинъ возвышающійся надъ другимъ съ зелеными пятнами отъ прекрасной растительности и участками отъ площадей для посѣва. Солнышко слегка еще освѣщало долину, и я поспѣшилъ пройти къ ней. Черезъ новый мостикъ, перебро-

шенный черезъ Кладіосъ, я вступилъ въ ограду священнаго мѣста, гдѣ было столько собрано сокровищъ, и памятниковъ искусства, куда собирались на игры и празднества греки со всѣхъ концовъ свѣта, мѣста, игравшаго важную роль въ религіозной и общественной жизни Греціи. Я прошелъ къ главному входу и отъ него уже пошелъ къ главной святынь долины—развалинамъ Зевсова храма, а отъ послѣдняго постепенно обошелъ всѣ мѣста и памятники—и Пелопіонъ, Герейонъ, Филиппейонъ, Энзедру Ирода Аттики, Сокровищницы и др. Сами по себѣ руины не производятъ сильнаго впечатлѣнія. Предъ тобой всё груды колоннъ, камней, основанія зданій. Но производить впечатлѣніе вся обстановка, тѣ воспоминанія, которыя являются при видѣ этихъ грудъ и которыя заставляютъ ихъ оживать, являться въ своемъ первоначальномъ видѣ. Есть нѣчто поэтическое въ этомъ обзорѣ; я получаю при этомъ кромѣ научнаго удовольствія чисто художественное. Вся среда—поэзія, процессъ переживанія воспоминаній—поэзія, процессъ возстановленія въ воображеніи памятниковъ—поэзія. И я болѣе трехъ часовъ наслаждался этой поэзіей; отъ груды развалинъ обращалъ свои взоры къ природѣ и ушелъ въ самомъ радужномъ настроеніи лишь тогда, когда солнце начало сильно давать о себѣ знать своими палящими лучами.

Еще болѣе ожила предо мной священная долина, когда я вошелъ въ музей и началъ осматривать его сокровища, памятники искусства, собранные изъ находокъ при раскопкахъ.

Первая зала переноситъ въ храмъ Зевса; у стѣнъ ея, равныхъ по длинѣ стѣнамъ этого храма, расположены скульптуры, украшавшія его фронтоны. Никакія фотографіи не даютъ того впечатлѣнія, которое получаешь при обзорѣ самихъ оригиналовъ.

Сколько истинно художественнаго эстетическаго наслажденія получалось, любуясь находящимися тутъ-же Никою Пеонія и особенно Гермесомъ Праксителя. Это—идеаль красоты человѣческой, но возсозданной на основаніи не воображаемыхъ оригиналовъ, а реальныхъ!

А, какъ эффектна Ника! Какъ смѣло передано художникомъ платье, какъ красиво ложатся по тѣлу складки!

Вечеромъ я еще разъ обошелъ всѣ памятники Алтиса; они предстали предо мной столь-же поэтичными и при вечернемъ освѣщеніи, и съ вершинъ Пропіоки и другихъ холмовъ я долго любовался и общимъ видомъ развалинъ, и общей панорамой. Уже совершенно стемнѣло, какъ я бросилъ послѣдній взглядъ на долину, и на слѣдующій день рано утромъ сѣлъ въ поѣздъ и пустился въ обратный путь—въ Аѣны.

Путешественникъ, собираясь сегодня въ отъѣздъ на родину, мечтаетъ теперь о иной поэзіи: уютной комнаткѣ съ книгами, шипящемъ самоварѣ, веселыхъ голоскахъ, чудныхъ аккордахъ піанино, привѣтѣ теплыхъ друзей

До свиданія! Желая всего Вамъ лучшаго и прося не забывать меня, остаюсь искренно и сердечно преданный Вашъ *Е. Рьдинъ*.

Село Порѣчье, Можайскаго уѣзда, четвергъ 17 декабря 98 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Наконецъ-таки я только сегодня, въ четвергъ, попалъ въ село Порѣчье, имѣніе графовъ Уваровыхъ.... Но начну по порядку.

Выѣхалъ я изъ Харькова въ Понедѣльникъ. Попалъ я въ низкій душный вагонъ для курящихъ. Воздухъ отчаянный! Дышать трудно, а табачный дымъ прямо лѣзетъ въ горло и душитъ его. Послѣ Бѣлгорода улегся спать и проспалъ до 8 час. утра. Цѣлый день еще ѣзды до Москвы! Тоскливый день! Отъ духоты, спертаго воздуха побаливаетъ голова. Выйти на площадку нельзя: боишься-простудиться; и вотъ си-дѣшь, читаешь газеты, дремлешь подъ разговоры сосѣдей; взглянешь въ окно — унылый, печальный, однообразный видъ; суровый мрачный день; въ далекое пространство виднѣющіяся поля, покрытыя бѣлоснѣжнымъ снѣгомъ, убогія деревушки, занесенныя снѣгомъ, обнаженные лѣса, изредка попадающіеся на глаза укутанные въ теплыя лохмотья мужички...

Въ 5 час. уже стемнѣло. Отъ нечего дѣлать, чтобы разсѣять тоску я раза завтракалъ. Лишь въ 7^{1/4} час. вечера попалъ въ Москву. И вотъ пошли безконечныя улицы, переулки, бульвары, площади, базары, лавки, монастыри, часовни, лавки, амбары, магазины, мужики, купцы, приказчики, ломовики, кресты, кресты, золотыя и голубыя маковки.... Это и говорить — городъ живой!... Но этотъ сѣрый, мрачный колоритъ, этотъ снѣгъ, распускающійся въ грязь... Тоскливо!... Ъду въ «Метрополь», оставляю вещи и ѣду съ визитомъ къ А. И. Кирпичникову. По обыкно-венно — отечески милъ и любезенъ. Отъ него узнаю, что графини Уваровой въ Москвѣ нѣтъ. Въ среду кофе пилъ у Филиппова на Тверской. Запелъ къ дочери графини, гдѣ былъ и сынъ ея, живущій въ Порѣчьѣ. Узнали, что я могу выѣхать только завтра. Остающійся въ моемъ

распоряженіи цѣлый день посвятилъ на свиданіе со старыми хорошими знакомыми. Ночь подъ четвергъ почти совсѣмъ не спалъ. Въ 9 ч. ѣду на Брестскій вокзалъ, съ 10 до 3 час. скучнѣйшая дорога. Станціи съ именами столь знакомыми, близкими, вызывающими много воспоминаній, какъ Можайскъ, Бородино, но увы, никакихъ памятниковъ, никакихъ признаковъ жизни...

Вотъ и ст. Уваровка. Выхожу. Меня ждетъ чудная тройка съ санями. Сажусь, плотнѣе укутываюсь въ шубу, и она мчитъ меня по неровной дорогѣ черезъ поля, покрытыя снѣгомъ, черезъ лѣски. Надо мной свинцовое мрачное небо; впереди меня—куда глазъ ни посмотреть—все бѣлоснѣжная пустыня... никакихъ признаковъ жизни. Проѣзжаемъ деревни... и онѣ мертвы.. Какія-то жалкія лачужки, деревянные, крытыя соломой.. Не видно живой души, не слышно даже лая собакъ... Въ свободномъ полѣ дуетъ вѣтеръ, несетъ холодомъ; кони мчатся; отъ ихъ копытъ слышатся комки снѣга и ударяютъ въ мою шубу. А колокольчики звенятъ, гудятъ уныло... И уныло, тоскливо на душѣ... Немного только ожившись при видѣ мальчиковъ, которые стоятъ иногда у избъ съ дубинками, играя, вѣроятно, въ какую-нибудь игру. Два часа продолжалась эта ѣзда съ этими печальными видами природы, деревенской обстановки, напоминающими скорѣе одинъ изъ круговъ Дантовскаго ада, чѣмъ мѣсто, гдѣ царь-человѣкъ, гдѣ онъ мечтаетъ создать рай... Вотъ и Порѣчье. Иныя картины, иные виды. Это городокъ культурный съ массой строеній монументальныхъ—все принадлежащихъ усадьбѣ. Уже совсѣмъ было темно, какъ мы въѣхали въ усадьбу. Я увидѣлъ передъ собой дворецъ съ купольной крышей посерединѣ и по бокамъ его длинныя строенія все монументальныя, основательно устроенныя. Къ подъѣзду лѣваго крыла и подкатила тройка.

Мнѣ отвели громадную комнату, прекрасно меблированную, съ громадной кроватью—все старинной работы, временъ, вѣроятно, александровскихъ или николаевскихъ; на стѣнахъ картины съ видами Константинополя, Аѳинъ, Рима, Каира.

Послѣ обѣда представляюсь молодой графинѣ, т. е. женѣ сына гр. Уваровой. Простая, милая, живая женщина! Два часа бесѣдовали; она съ интересомъ, любовью говорила о своемъ дѣлѣ—хозяйствѣ, садоводствѣ, о школѣ, земствѣ.

На слѣдующій день (18 декабря) послѣ чаю съ масломъ, булочками, сливочками — отогрѣвался у графини. Отперли мнѣ анфилады комнатъ. Половина ихъ занята музеемъ, состоящимъ изъ собственно музея, библіотеки печатныхъ книгъ и рукописныхъ. Комнаты страшнѣ

высоты. Прекрасные шкафы, въ которыхъ поставлены лучшія книги по всѣмъ отраслямъ наукъ (главнымъ образомъ историческимъ) и искусствъ. Тутъ собраны такія книги, которыхъ нѣтъ въ иныхъ университетскихъ библіотекахъ—Acta Sanctorum, болландисты, отцы церкви, византійскіе писатели и т. д.

Въ музей антики—много прекрасныхъ статуй. Подборъ ихъ, бюсты Данта, Аріосто, Тасса, Микель Анджело, Рафаэля—указываетъ во владѣльцѣ классика и романтика, любившаго всё прекрасное въ поэзіи и въ искусствѣ... Слѣдующій залъ русскій—всѣ памятники древне-русского искусства, равно христіанскаго—средневѣковыя и вещи изъ раскопокъ на Кавказѣ. Собраніе колоссальное, и это главнымъ образомъ—результатъ трудовъ гр. А. С. Уварова. Удивительная энергія, любовь къ прошлой культурѣ, къ родной старинѣ...

А вотъ въ угловомъ залѣ—рукописи—всѣ русскія—наслѣдіе древне-русской литературы, источникъ мудрости и плоды ея—русскихъ древнихъ книжниковъ, ученыхъ и литераторовъ. Удивительный, повторяю, культурный уголокъ. О, если бы такихъ уголковъ было побольше на Руси и если бы сокровищами ихъ могли пользоваться и тѣ сѣрые, темные люди, что живутъ въ убогихъ избушкахъ селъ и деревни, окружающихъ нынѣ Порѣчье и имъ подобныхъ, разсѣянныхъ по лицу земли русской—то какъ бы счастлива была эта земля русская и не выглядывала бы она такъ мрачно, сурово, какъ выглядываетъ теперь здѣсь зимой.

Пришла графиня и по моему списку вынула изъ шкафовъ столь дорогія моему сердцу рукописи Козмы Индикоплова, изъ которыхъ одна 1495 года и писана въ Ярославлѣ.

Занимался до 6 час. вечера. Приходила два раза графиня; обошли съ нею залы музея, побесѣдовали. Въ 1 час. прекрасный завтракъ, а въ 6^{1/2} час.—обѣдъ—всѣ вкусныя блюда, удивительный квасъ—словомъ помѣщичье угощеніе, барское житѣе. Послѣ обѣда около 9^{1/2} ч. чай—новое со сливками, булочками, масломъ....

Изъ оконъ вижу, что ночь тихая, чудная, къ тому-же лунная. И мнѣ потянуло погулять по усадьбѣ. Въ сопровожденіи слуги вѣрнаго вѣжоу во дворъ; тутъ рыскаютъ сторожевыя собаки; идемъ аллеями, и изъ словъ слуги узнаю, что вотъ тамъ виднѣющееся за деревьями здание—оранжерея, далѣе скотный дворъ, тамъ птичникъ, контора управляющаго, хлѣбный магазинъ, тамъ питомникъ—молодыя деревья, тамъ деревья, или растенія нѣжныя, укутанныя соломой. Вышли за ворота усадьбы... Поле снѣжное, поле бѣлое, вдали лѣсъ зеленый (ели), тамъ еще далѣе деревья—видно свѣтящійся въ избѣ огонекъ... Справа улица

села Порѣчья, церковь и вновь лѣсъ... А луна красавица свѣтитъ и смѣется надо мной: «О, бѣдный Кузьмичъ—по отчеству и занятію—ты хочешь поэзіи, наслаждайся-же этой поэзіей—усадыбы зимою съ голыми деревьями, какъ бы замершей природой. Если бы ты пріѣхалъ сюда весною, то нашелъ бы иную поэзію, истинный рай земной»... И я началъ грезить весной. Мнѣ послышалось пѣніе птицъ, я чувствовалъ запахъ отъ распустившихся цвѣтовъ свѣжей листвы. Но дѣйствительность скоро разбиваетъ грезы. Подъ ногами хруститъ снѣгъ, я плотнѣе укутываюсь въ шубу и возвращаюсь въ свою комнату....

25 декабря.

И дни идутъ за днями—съ утра до вечера сижу надъ рукописями, разбираю старательное писаніе благочестиваго книгописца, мудрое живописаніе древне-русскаго артиста; предо мною проходитъ вся «исторія» въ образахъ. Я въ царствѣ мечтаній и грѣзъ русскаго религіознаго человѣка--и вотъ въ безыскусственныхъ пестрыхъ и живописно украшенныхъ картинахъ предо мною проходятъ образы Бога отца, Ветхаго деньми, Христа, Апостоловъ, пророковъ и святыхъ; рай и адъ, блаженство праведныхъ и мученіе грѣшниковъ, реальныя и фантастическія существа, населяющія вселенную,—птицы, сирены, инороги, фениксы..., козни дьявола, прелести женскія, спасеніе иноческое...

Оторваться отъ этого царства и вспоминать о дѣйствительности, о своей жизни... о своихъ друзьяхъ.

Прошу принять мои искреннія пожеланія всего лучшаго въ наступающемъ новомъ году и, прося не забывать меня, остаюсь душевно преданный весь Вашъ *Е. Рюдинъ*.

Ст. Уваровка, Московско-Брестской жел. дор., с. Порѣчье, графу Θεодору Алексѣевичу Уварову, съ передачей мнѣ.

Р. S. Не знаю, какъ долго еще пробуду здѣсь.

Москва 17 мая 1899 г.

Дорогой Николай Θεодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и Вашему семейству.

Уже недѣля будетъ, какъ я въ Москвѣ, готовящейся теперь лихорадочно къ Пушкинскимъ празднествамъ.

Я почти каждый день бываю на Тверскомъ бульварѣ и смотрю на нашу національную гордость—великаго поэта, котораго скульпторъ изоб-

разилъ какъ бы задремавшимъ и печальнымъ. Онъ теперь въ лѣсахъ; вокругъ него чистка, уборка, мачты....

А сегодня былъ въ Румянцевскомъ музеѣ и видѣлъ Пушкинскую выставку: рукописей, автографовъ и печатныхъ изданій его сочиненій.

Что особенно привлекло мое вниманіе и что особенно поразило—это рисунки поэта въ его рукописяхъ. Какой смѣлый рисунокъ, какая талантливость, чисто художественный даръ—въ немногихъ чертахъ передать характеръ лица, его существенныя черты. Въ этихъ рисункахъ масса портретовъ—набросковъ его современниковъ, друзей, героев его произведеній, цѣлая сцена, виньетки и т. п. Словомъ—это цѣлая художественная область, міръ, который долженъ подлежать изученію наравнѣ съ литерат. произведеніями поэта; это матеріаль и источникъ для проясненія въ процессъ творчества поэта, и какъ жаль, что къ столѣтнему юбилею не приготовили спеціальнаго изданія рисунковъ поэта. Это было бы изданіе, достойное юбилея. То немное, что я видѣлъ, убѣждаетъ меня, что Пушкинъ былъ великій художникъ не только въ словѣ, но въ изобразительномъ искусствѣ—живописи.

На цѣлую недѣлю я былъ отвлеченъ отъ работъ поѣздкою въ Св. Горы.

Какъ Вамъ, конечно, извѣстно—я неожиданно ѣду въ Святые Горы депутатомъ отъ университета. Если бы Вы пожелали, то я могъ бы явиться депутатомъ и нашего Историко-Фил. Общества; если пожелаете, то немедленно сообщите и пришлите краткое привѣтствіе отъ имени общества, которое я могъ бы прочесть; и увѣдомьте оффиціально комитетъ (въ Исковѣ).

А. И. Кирпичниковъ рѣчи Вашей не снималъ съ программы, т. к. еще не имѣетъ отъ Васъ оффиціального извѣстія; онъ просилъ передать Вамъ, что если бы Вы прислали, то Ваша рѣчь могла бы кѣмъ-нибудь прочитана, если Вы ее пришлете.

Относительно иллюстрацій къ Жаннѣ д'Аркъ—вотъ что могу сообщить. Во всѣхъ марстерскихъ цѣна приблизительно одна и таже: за клише цинкографическое въ сѣтку, т. е. дѣланнаго съ рисунка въ свѣтѣняхъ—берется плата съ каждаго квадратнаго дюйма—40 коп., при этомъ такимъ образомъ, что за клише меньшее 10 кв. д. берется тоже, что 10 кв. д.; иными словами клише меньше 4 руб.—нѣтъ; слѣдовательно тѣ 10 клише, которые намъ даетъ Гашетъ, minimum стоили бы въ Москвѣ 40 р., но въ дѣйствительности дороже. Поэтому, если рѣшеніе Ваше и наше съ А. О. не измѣнится украсить статью рисунками, пришлите въ Парижъ—Librairie Hachette, Boulevard Saint Germain, 74.

Что-же касается остальныхъ рисунковъ—съ большихъ и лучшихъ, то съ нихъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, уменьшивъ въ $\frac{1}{2}$, или въ $\frac{1}{3}$, можно было бы приготовить нѣсколько.

Поговорите съ А. Θ. Котовымъ или рѣшите сами, ассигновавъ еще небольшую сумму, и о своемъ рѣшеніи сообщите мнѣ, и я по Вашему указанію и А. Θ. закажу еще дюжину рисунковъ здѣсь.

Прося передать поклонъ А. С. Лебедеву, М. С. Дринову и всѣмъ помнящимъ меня и прося не забывать меня, остаюсь душевно-преданный весь Вашъ *Е. Рьдинъ*.

Москва 4 іюля 1899 г.

Дорогой Николai Θεодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Давно уже не писалъ я Вамъ и отъ Васъ не имѣю извѣстій, кромѣ телеграммы. А очень было бы интересно услышать отъ Васъ харьковскія новости, и вѣсточки о нашихъ дѣлахъ, о празднествѣ, объ университетѣ и т. п. Какъ я сильно ни занятъ здѣсь, но забыть уже хотя бы родной Харьковъ—не могу и всѣхъ близкихъ и дорогихъ въ немъ лицъ и друзей... Пишите же пожалуйста...

На цѣлую недѣлю я былъ отвлеченъ отъ работъ поѣздкою въ Святія Горы.

Чѣмъ далѣе въ глубь прошлаго удаляется эта поѣздка, тѣмъ она болѣе пріобрѣтаетъ для меня характеръ идеальнаго, чего-то волшебнаго, мечты или грезы. Это было чудное паломничество. Это былъ праздникъ у могилы національнаго вождя, и невольно твой духъ подымался выше, ты чувствовалъ возвышеннѣе, настраивался на торжественный ладъ и отдавался искренне всѣмъ существомъ торжеству его идеѣ.

И сама обстановка особенно этому способствовала; она придавала торжеству характеръ народнаго праздника. Вдали отъ столицы съ ихъ шумомъ и блескомъ, мишурной нарядностью и напыщенной надутостью—въ тихой крестьянской слободѣ, среди полей и луговъ, у стѣнъ обители святой, у бранныхъ останковъ великаго поэта, совершалось это торжество. И эта мирная сельская обстановка, этотъ мелодичный звонъ колоколовъ обители святой, этотъ простой народъ-пахарь, окружающій могилу,—какъ глубоко запали они въ мою душу, какой сильный слѣдъ оставили они въ ней!... Стоя среди народа, я поддавался невольно и радостному, и печальному настроенію... У меня минутами хотѣли бѣжать изъ глазъ

слезы радости, а минутами—слезы печали. Я не могу забыть пережитых мною чувствъ, забыть видѣнное и слышанное.

Эта могила великаго поэта у обители, на горѣ, осыпанная деревьями, привлекая къ себѣ столько поклонниковъ изъ разныхъ концовъ земли русской, толпы народа (изъ окрестныхъ деревень), невольно и безсознательно подпадающаго также благоговѣйному почитанію покойнаго; этотъ красивый театръ на сосѣдней горѣ видный отсюда съ площадки, сооруженной вкругъ монастырской церкви;—этотъ народъ, спѣшавшій туда—услышать слово о поэтѣ, его произведенія—такъ живо возстаютъ предо мною, какъ будто я вновь тамъ, на мѣстѣ и я вновь переживаю то же чувство радости и грусти, которое испытывалъ тамъ; чувство радости оттого, что я присутствовалъ на праздникѣ русскаго искусства, торжества русскаго гения, поэта, въ которомъ русская нація нашла лучшаго выразителя; что я, сынъ народа, увидѣлъ послѣднее убѣжище этого гения, поклонился праху его и—какъ могъ—выразилъ благоговѣніе его памяти;—чувство грусти въ сознаніи, что мало сдѣлано нами, живущими на счетъ народа для приближенія его къ этому торжеству, для большаго пониманія имъ того сокровища, что заключено въ твореніяхъ поэта.

А село Михайловское съ смиреннымъ домикомъ, гдѣ поэтъ провелъ съ няней отшельникомъ два года незамѣтныхъ, гдѣ онъ бывалъ въ различное время; село—съ чуднымъ видомъ на рѣку Соротъ, на озеро; съ садомъ, лѣсомъ;—моя прогулка по всей усадьбѣ—тоже живо встаетъ предо мной теперь, и я вновь переживаю то же чувство радости, съ которымъ посѣщалъ всѣ эти мѣста, осматривая съ благоговѣніемъ все и какъ бы чувствуя, что здѣсь невидимо рѣетъ духъ поэта...

Чтобы попасть въ Святогорскій монастырь—надо ѣхать по желѣзной дорогѣ до ст. Островъ (Варш. ж. д.), а оттуда на лошадахъ около 60 в. Дорога довольно живописная; часто попадаются лѣски, рѣки и множество озеръ. Но при холодной пасмурной погодѣ пейзажъ выглядитъ суровымъ. По странной для моего возраста наивности я захватилъ одно лѣтнее пальто и соломянную шляпу. И досталось-же мнѣ! Холодъ пронизывалъ меня насквозь, ноги коченѣли и я не на шутку боялся схватить новый ревматизмъ. Но къ счастью я ѣхалъ въ экипажѣ четырехмѣстномъ—съ дамой, извѣстной писательницей Лухмановой. Она скалилась надо мной и укрыла меня тѣмъ, что у нея было теплаго.

Въ слободѣ, что у монастыря, помѣстили насъ въ хорошихъ, чистыхъ квартирахъ. Обѣдали въ буфетѣ, специально устроенномъ; были разбиты три палатки на монастырскомъ дворѣ.

25 мая была всенощная; пѣлъ архіерейскій хоръ; 26 за обѣдней— пѣлъ хоръ Архангельскаго, я былъ въ восторгѣ и восхищеніи: просто не хотѣлось уходить изъ церкви.

Торжественная панихида у могилы служилась подъ проливнымъ дождемъ; я былъ въ одномъ фракѣ и съ серебрянымъ вѣнкомъ въ рукахъ. И вновь погибъ бы я, пришелецъ съ юга, если бы надо мной не сжалились и не дали зонтика. Возложилъ я въ числѣ другихъ на могилу вѣнокъ, а въ 2 часа въ торжественномъ засѣданіи, происходившемъ въ театрѣ, сказалъ небольшое привѣтствіе отъ имени университета и общества ¹⁾. Рѣчей говорилось много; читались стихи, пѣлась кантата. Прошло чествованіе торжественно, и во многихъ случаяхъ трогательно, не взирая на дождь, нашедшій себѣ проходъ въ театръ чрезъ полотняную крышу.

Но какой чудный день былъ 27! Теплый, свѣтлый, ясный, и вся слобода приняла прекрасный, истинно праздничный видъ. Пріятно было смотрѣть на эту народную толпу у могилы, у театра, у открытой сцены, видную то здѣсь, то тамъ, оживленную... И народъ заинтересовали торжествомъ; онъ кое-что узналъ изъ бесѣдъ о Пушкинѣ, услышалъ кое-что изъ его сочиненій: была поставлена «Русалка», нѣкоторыя сцены изъ «Бориса Годунова».

Въ этотъ же день я посѣтилъ село Михайловское, 28 въ послѣдній разъ былъ у могилы поэта и видѣлъ, съ сожалѣніемъ говоря, монастырь, гдѣ пережито, перечувствовано было такъ много хорошаго, пріятнаго, возвышающаго духъ.

Обратная дорога была также холодная и гибильная: но добрая душа вновь меня пріютила отъ гибели.

29 я выѣхалъ; 30 въ Москвѣ и вотъ уже какъ недѣля снова за своей работой.

Какъ то поживаете Вы? Какъ дѣла Вашихъ дѣтей? Не уѣхали-ли Вы уже въ деревню? Пишите и не забывайте душевно Вамъ преданнаго и любящаго Вашего *Е. Рьдина*.

Р. S. Пожалуйста побудите типографію Гагарина прислать мнѣ корректуру. Вѣдь я могу опоздать съ выпускомъ оттисковъ къ съѣзду, а для меня это важно.

Поклонъ всѣмъ помнящимъ меня.

¹⁾ Привѣтствіе это у меня въ двухъ редакціяхъ, я его пришлю Вамъ и если найдете его достойнымъ, помѣстите въ сборникъ Пушк. только сообщите—когда будетъ не поздно прислать Вамъ?

Харьковъ 15 іюня 1900 г.

Дорогой и добрыйшій Николай Ѳеодоровичъ.

Я и моя невѣста шлемъ Вамъ, Екатеринѣ Дмитріевнѣ и Вашей дочери нашъ сердечный привѣтъ и глубокій поклонъ.

Пользуюсь случаемъ — прежде всего — отъ себя и отъ лица своей невѣсты выразить Вамъ глубокую благодарность за Ваше вниманіе къ намъ, за то теплое доброе отношеніе къ намъ, которое Вы проявили и проявляете для новаго для насъ пути, которымъ мы пойдемъ въ жизни.

Очень жалѣю, что не могу точно опредѣлить Вамъ время, когда я рассчитываю пріѣхать къ Вамъ въ Боромлю, съ тѣмъ чтобы оттуда сдѣлать научную экскурсію по Сумскому и Ахтырскому уѣздамъ.

Представьте себѣ — неприятный сюрпризъ, преподнесенный намъ Харьковскимъ Губернаторомъ!...

Въ засѣданіи съ гр. Уваровой онъ обѣщалъ намъ выдать открытые листы на право производства раскопокъ. Теперь же, когда комитетъ послалъ ему просьбу объ этомъ, онъ отказывается, ссылаясь на законъ: Археологическая-де комиссія имѣетъ только право давать такіе листы, а потому онъ послалъ этой комиссіи ходатайство о выдачѣ намъ этихъ листовъ. И вотъ теперь приходится ожидать ихъ. Сегодня долженъ былъ пріѣхать проф. Антоновичъ, и если не пріѣдетъ, то пріѣдетъ на дняхъ, а листовъ все нѣтъ. Мнѣ ожиданіе тѣмъ болѣе неприятно, что я желалъ бы около 2-хъ недѣль побывать въ качествѣ ученика при раскопкахъ. Далѣе, если бы ученичество мое окончилось до 1 іюля, то послѣ этого я долженъ ѣхать съ А. С. Леоневымъ въ Бѣлгородъ; послѣ около 10—15 іюля предполагается свадьба; послѣ недѣли двѣ — желательна была бы прогулка съ будущей супругой — куда? — смотря по средствамъ и обстоятельствамъ. Послѣ, наконецъ, около 1 августа, или вѣрнѣе съ 1 авг. — уже поѣздка по церквамъ Харьковск. губ.

Конечно, мнѣ очень желательно и пріятно было бы совмѣстное путешествіе съ Вами. Но, какъ видите, планъ у меня обширный, условный и я боюсь стѣснить Васъ своими обѣщаніями, которыя могу въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ и не исполнить.

Итакъ, если обстоятельства мнѣ позволятъ, и если я не явлюсь къ Вамъ поздно, то, повторяю, буду очень радъ путешествовать съ Вами совмѣстно. Но покорнѣйше прошу не ставить моего путешествія въ зависимость съ Вашими поѣздками; турне Вы предполагали сдѣлать для этнографич. цѣлей. А то можетъ оказаться, что изъ за меня Вы упустите время своихъ поѣздокъ.

О времени своей свадьбы я, конечно, въ свое время сообщу Вамъ точно. Мы покорнѣйше будемъ просить Васъ оказать намъ честь и радость принятіемъ участія въ нашемъ праздникѣ, торжествѣ нашего дружескаго союза.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю Вамъ открытые листы на пользованіе земской почтой. Что же касается открытаго листа отъ Губернатора, то Вы его получите отъ меня почтою, вѣроятно, скоро. Конечно — московскіе листы — мало говорятъ и мало даютъ силы.

Итакъ, желая Вамъ здоровья и всего лучшаго и прося не забывать меня, остаюсь душевно преданный весь Вашъ *Е. Рѣдинъ*.

P. S. Николай Чудный передалъ мнѣ, что экзекуторъ университета требуетъ отъ него чистки тротуаровъ и угрожаетъ ему вычетомъ изъ жалованья, если онъ не будетъ чистить. У Николая такъ много обязанностей — по Архиву, по Обществу, по Комитету и онъ такъ вообще много работаетъ, что грѣшно съ него требовать исполненія обязанностей дворника. Будьте такъ добры — вступитесь за него. Этотъ экзекуторъ положительно невыносимъ по своей придирчивости къ людямъ трудящимся и не гнушимъ передъ нимъ шеи. Поговорите пожалуйста съ нимъ, и скажите, смотря по обстоятельствамъ, что если онъ не освободить его отъ этой обязанности, то Вы будете просить самого Ректора и Правленіе.

Я просилъ въ свою очередь о томъ же и Дмитрія Ивановича Багалѣя.

Открытые листы Земства пожалуйста по изслѣдованіи ихъ возвратите мнѣ, такъ какъ Земская Управа проситъ объ этомъ Комитетъ.

Харьковъ 16 іюня 1900 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Θεодоровичъ!

Сегодня утромъ послалъ Вамъ казенное письмо съ одними извѣстіями и планами. И сегодня-же пишу Вамъ другое письмо — послѣ полученія письма отъ проф. В. Б. Антоновича изъ Кіева. Онъ пишетъ, что былъ сильно боленъ, теперь поправляется и только въ началѣ іюля въ состояніи будетъ пріѣхать въ Харьковъ на раскопки. Ожидать его такъ долго, ничего не предпринимая, мнѣ никакъ невозможно, имѣя къ тому еще въ виду, что, въ $\frac{1}{2}$ іюля предстоитъ моя свадьба. Поэтому я рѣшаю ѣхать къ Вамъ въ Боромлю, и такъ уже мы составили сообща планъ нашей поѣздки.

Выѣду я къ Вамъ въ Воскресенье утромъ въ 11 ч. 59 м. и буду въ Боромлѣ около 6 ч. веч. Встрѣтите меня пожалуйста. На поѣздку я рассчитываю употребить время до 3 іюля, къ какому числу возвращусь въ Харьковъ, чтобы ожидать Антоновича.

Прося передать привѣтъ отъ меня и отъ моей невѣсты вѣстѣ Вамъ и въ ожиданіи скорого свиданія съ Вами остаюсь душевно преданный весь Вашъ *Е. Рьдинъ*.

Старо-Московская 3, кв. 9.

Везу съ собой свой аппаратъ фотографическій и фотографическіе принадлежности.

Харьковъ 27 апрѣля 1901 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Правленіе Харьковскаго Общества Грамотности поручило мнѣ составить привѣтственную телеграмму отъ его имени Всеволоду Сергѣевичу *Соловьеву* по поводу 35 лѣтія его литерат. дѣятельности.

Обликъ и заслуги этого писателя, къ стыду моему, совсѣмъ неизвѣстны. Будьте такъ добры—помогите мнѣ въ составленіи этой телеграммы. Если возможно, то пришлите мнѣ на домъ до засѣданія; если же не успѣете, то къ засѣданію.

Душевно преданный Вамъ *Е. Рьдинъ*.

1901 г. 27 апрѣля.

Зміевъ 2 іюля 1901 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я подъ палящими лучами солнца по пыльнымъ и ухабистымъ дорогамъ на дрогахъ, бричкахъ, простыхъ телѣгахъ, путешествую изъ села въ село для изученія церковныхъ древностей, въ поискахъ ихъ. Какъ пріятно встрѣчать эти древности въ видѣ, напр., прекрасныхъ старинныхъ иконостасовъ въ какой-нибудь глухой деревушкѣ въ ея убогой деревянной церкви, или въ видѣ рукописи (рѣдкость—XVI в.) или древнѣйшей старопечатной Библіи (Острожская, 1581).

Какъ пріятно знакомиться все съ новыми мѣстами своей дорогой родины—въ данномъ случаѣ Харьковской губ.! Но какъ дорого это до-
стается—въ отношеніи того, что приходится испытывать—прежде чѣмъ

попадешь въ новое мѣсто—по этимъ допотопнымъ дорогамъ, въ этихъ вытряхивающихъ изъ тебя всю душу—экипажахъ!..

Не особенно пріятное удовольствіе—быть непрошенымъ гостемъ у священниковъ, у которыхъ поневолѣ приходится останавливаться въ селахъ, если не желаешь ночевать подъ открытымъ небомъ.

Правда—я не могу пожаловаться на нелюбезность священниковъ: они принимаютъ очень радушно.

Но сознаніе непрошенности—стѣсняетъ тебя не меньше, чѣмъ ты ихъ.

Наши села лѣтомъ куда веселѣе выглядятъ, чѣмъ зимою: но всё же какое однообразіе, какая бѣдность!..

А эти глухіе, захолустные города, какъ напр. Зміевъ, откуда я пишу Вамъ. Какіе это бѣдные культурные уголки! Это скорѣе большая деревня, чѣмъ городъ, какъ мы привыкли понимать послѣдній, соединяя съ его названіемъ представленіе о центрѣ культурной жизни для известной области. Внѣшняя обстановка—дома, улицы, площади—хорошій показатель того, что этой культуры въ немъ мало.

Когда же ты проснешься деревенская Россія и заживешь истинно культурной жизнью?

Я постигъ пока Мерефу, Артемовку, Комаровку, Бабаи, Хорошеву монастырь, Хорошево, Константиновку, Боровую, Водяное, Чугуевъ, Малиновку, Печенѣги, Лебяжье, Коробочкино, и наконецъ Зміевъ, откуда предстоитъ еще большой кругъ по нѣкоторымъ селамъ Зміевского и Изюмского уѣздовъ.

Въ общемъ—результатами доволенъ. Но тяжело.

Въ фотографіи мнѣ усердно помогаетъ не безызвѣстный Вамъ г-нъ Кардашевъ.

Желаю Вамъ здоровья и всего лучшаго, остаюсь душевно преданный весь Вашъ *Е. Рудинъ*.

Р. S. Супруга моя, обитающая въ Двурѣчномъ Кутѣ, шлетъ Вамъ сердечный привѣтъ.

Въ Харьковѣ буду недѣли черезъ двѣ—три.

Стратилатовка (Каменка) 12 августа 1901 г.

Дорогой Николай Θεодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Сердечное спасибо Вамъ за Ваши два любезныхъ письма, которые я получилъ въ началѣ августа.

Возвратившись из поѣздки по церквамъ и монастырямъ, отправился въ новую поѣздку, и теперь пишу Вамъ съ мѣста раскопокъ кургановъ. Чудная, увлекательная работа—особенно при открытіи могилъ. Предъ тобой воочию картина погребенія древнѣйшаго поселенца юга Россіи. А самое пребываніе въ теченіе цѣлаго дня въ стени, среди этихъ великановъ-кургановъ! сколько въ этомъ поэзіи.

Я очень радъ и счастливъ. Къ 20 Августа вернусь въ Харьковъ. Поклонъ отъ супруги.

Душевно преданный Вашъ *Е. Рьдинъ*.

1 марта 1902 года.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Любя и уважая Васъ, какъ дорогого для меня человѣка, я искренно огорченъ: 1) официальнойностью обращенія Вашего ко мнѣ въ письмахъ, 2) неисполненіемъ моей просьбы относительно резюмэ Вашей рѣчи, 3) уходомъ вчера изъ засѣданія, не попрощавшись со мной. Я вчера былъ радостно настроенъ отъ сердечнаго характера нашего торжества, простого, не напыщеннаго, говорившаго о дѣлѣ, и мнѣ такъ хотѣлось видѣть эту сердечность, простоту, и прежде всего въ Васъ, а Вы ушли, и сегодня утромъ прислали такое письмо.

Но я думаю, что Вы просто устали, и торопитесь отдохнуть; а я, какъ дѣвица, все думаю о любви...

Простите, дорогой Николай Ѳеодоровичъ, за изліяніе и вѣрьте въ чувство моей преданности Вамъ весь любящій, Васъ, Вашъ *Е. Рьдинъ*.

Харьковъ. 8 іюля 1902 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Малороссія, Украина, Запорожцы—вотъ тотъ міръ, въ которомъ я теперь вращаюсь, которымъ живу, окруженный этими портретами гетмановъ, полковниковъ, писарей, простыхъ смертныхъ—въ видѣ отдыха запорожца, сидящаго на землѣ по восточному и курящаго свою люльку, окруженный этими пищалями, саблями, сѣкирами, пороховницами, штудирующій виды Харькова XVIII в., описывающій различные памятники быта и невзгоды, имѣющіе отношеніе все къ той же Украинѣ, которая дорога мнѣ не только какъ лицу, живущему въ ней, но и какъ интелли-

гентному человѣку, дорожащему національнымъ настоящимъ и прошлымъ — выражающемся въ исторіи, поэзіи, памятникахъ искусства.

Я съ захватывающимъ интересомъ, увлеченный поэзіей народнаго малороссійскаго быта — въ его бытовыхъ костюмахъ, пѣсняхъ — прослушалъ надняхъ пьесу «Цыганку Азу» въ чудной игрѣ Кропивницкаго, Заньковецкой. Трогательное до умиленія, до проявленія слезъ на глазахъ впечатлѣніе произвело на меня неподобное пѣніе старцевъ, нишихъ; чарующее впечатлѣніе — хоры свадебные...

И въ параллель всему этому, я съ такимъ же захватывающимъ интересомъ прочиталъ сегодня Ваши «Очерки народнаго быта». Началъ я ихъ читать, съ цѣлью искать пропущенныя Вами при корректурѣ ошибки, но интересъ содержанія, интересъ художественныхъ описаній, Ваше глубокое чувство любви къ украинской природѣ, народу, къ ихъ поэтическому прошлому настолько увлекли меня, очаровали, что я первоначальную цѣль своего чтенія забылъ, и отдался весь непосредственно идеѣ, духу содержанія написаннаго.

Да, въ Вашихъ «Очеркахъ» все та же поэтическая Малороссія, которой я теперь окруженъ, которой занятъ. Большое спасибо Вамъ за удовольствіе, испытанное мною отъ чтенія ихъ.

Я такъ сильно занятъ теперь, такъ забитъ работой, что могъ бы временами совсѣмъ упасть, или окостѣнеть, т. е. потерять интересъ ко всему, если бы въ той-же работѣ не находилъ временами поэзіи, той поэзіи, безъ которой трудно жить человѣку, которая подниметъ духъ.

Узнавъ, что Вы выписали себѣ корректуру статей, я на первыхъ порахъ было не много погнѣвался на Васъ: боялся, что Вы задержите, но этого не оказалось. Все идетъ хорошо.

Я очень жалѣю, что не знаю малороссійскаго языка. Я теперь мучусь надъ «Словаремъ» Василенка, и не знаю, какъ справлюсь съ нимъ.

Еще разъ спасибо Вамъ за «поэзію». Передайте сердечный привѣтъ всѣмъ Вашимъ и не забывайте меня бѣднаго великоросса, любящаго Малороссію, старающагося работать для нея, но, увы, не знающаго малороссійскаго языка.

Душевно преданный Вамъ *Е. Рѣдинъ*.

Дорогой Николай Θεодоровичъ!

Съ годъ тому назадъ при Педагогическомъ Отдѣлѣ нашего Общества была сосредоточена историко-географическая секція подъ моимъ предсѣдательствомъ Эта секція имѣла въ виду устроить и устраивать

рядъ чтеній для учащихся. Уже были подготовлены чтенія; дѣло стояло за картинами къ волшебному фонарю. Одно изъ чтеній было мое: «Римскія катакомбы и древне-христіанское искусство», которымъ и предполагалось открыть указанные чтенія.

Въ настоящее время картины къ чтенію готовы, и я готовъ прочитать это чтеніе—только до 25 марта. Если это чтеніе состоится, то, т. о. будетъ положено начало чтеніямъ для учащихся, будетъ основанъ нѣкоторый денежный фондъ для расходовъ на заготовленіе картинъ.

Все теперь зависитъ отъ Вашего сочувствія, помощи. Если Вы не измѣнили въ принципѣ согласія своего на подобныя чтенія и полагаете, что Педагогическій Отдѣлъ подобными чтеніями принесетъ дѣйствительно пользу, то будьте такъ добры сдѣлайте самое важное это вѣроятно—добыть разрѣшеніе. Хлопоты по устройству, добыванію помѣщенія возьметъ на себя исполнительное отдѣленіе секціи, во главѣ которого, между прочимъ, стоитъ г. Алякритскій.

Если чтеніе состоится, то я думаю самое чтеніе предложить издать Педаг. Отдѣлу—въ его, конечно, пользу.

Очень жалѣю, что не засталъ Васъ; и у Васъ, и у меня такъ теперь занято время, что я не знаю, когда въ состояніи увидѣть Васъ. Поэтому, можетъ быть, Вы будете такъ добры--написать мнѣ, чтобы я сообразно съ Вашимъ рѣшеніемъ, планами—могъ начать соотвѣтствующія дѣйствія.

Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ Вашъ *Е. Рудинъ*.

1 мая 1903 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Я заходилъ къ Вамъ спеціально, что бы сообщить Вамъ можетъ быть еще Вамъ неизвѣстную—весьма печальную новость—о смерти дорогого и незабвеннаго А. И. Кирпичникова. Сейчасъ только подъ вечеръ у меня былъ С. В. Соловьевъ и передалъ мнѣ это извѣстіе.

Я нахожусь подъ тяжестью этого извѣстія. Оно печальное, щемящее душу. Хочется плакать и излить въ слезахъ грусть, тоску, сожалѣніе о потери дорогого *человѣка*...

Человѣкъ—А. И. именно былъ человѣкомъ въ высшемъ, благородномъ значеніи этого слова.

Съ именемъ А. И. для меня связываются лучшіе дорогіе годы жизни-- студенческіе, когда я впервые узналъ его, имѣя счастье имѣть

общеніе съ нимъ, какъ съ незнакомымъ учителемъ, руководителемъ. Съ именемъ профессора Кирпичникова для меня студента связывалось всё лучшее, идеальное, ибо въ немъ я находилъ для себя всё то прекрасное, о чемъ мечталъ, поступая въ Университетъ. Онъ былъ для меня, былъ и для многихъ моихъ товарищемъ, учителемъ, наставникомъ, добрымъ помощникомъ—и въ стѣнахъ Университета, и внѣ ихъ—въ жизни. Теплотой, сердечностью преисполнены были его отношенія къ молодежи. Онъ былъ, какъ я это самъ испыталъ, во многихъ случаяхъ роднымъ отцомъ... Такимъ отцомъ въ своихъ отношеніяхъ онъ явился для меня и послѣ окончанія Университета...

Грустно и больно на душѣ отзовется для многихъ это печальное извѣстіе о смерти А. И.

Добрымъ словомъ помянуть его ученики, слушатели.

Наше Общество, конечно, также помянетъ его этимъ словомъ, и оно м. б. (думаю навѣрно) устроить спеціальное засѣданіе, посвященное его памяти. Я лично готовъ сказать въ этомъ засѣданіи о его трудахъ по исторіи искусства и сказать нѣсколько словъ его памяти, какъ учителя-человѣка. Но такое засѣданіе, вѣроятно, возможно будетъ устроить лишь въ сентябрѣ, т. к. теперь глухое время и времени до закрытія засѣданій останется очень мало.

Душевно преданный весь Вашъ *Е. Рудинъ*.

1 мая 1903.

Р. С. Пожалуйста не назначайте засѣданія общества на 5 мая; я буду въ этотъ вечеръ занятъ для общ. вспомош.

Севастополь 26 іюня 1903 г.

Дорогой Николай Θεодоровичъ!

Подъ небомъ благодатнаго юга, въ виду далеко простирающагося предо мною синяго моря, тихо плещущаго о берегъ и манящаго въ свою синюю глубь—пишу Вамъ. Пишу всё еще находясь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ окружающей меня обстановки, отъ того мертвого города, въ которомъ я работалъ двѣ недѣли. Херсонесъ мертвъ, и онъ съ трудомъ воскресаетъ подъ ударомъ лопатъ рабочихъ, производящихъ въ немъ раскопки, подъ перомъ ученыхъ, изучающихъ его памятники, добытые этими раскопками.

Лишь теперь—впервые—я посѣтилъ Херсонесъ. Безотрадное впечатлѣніе оставляютъ его развалины. Откопано лишь нѣсколько улицъ.

но много домовъ разрушенныхъ совершенно и заваленныхъ: открыто много базиликъ, часовенъ, но тоже въ разрушенномъ видѣ и вновь брошенныхъ на произволъ, за немногими исключеніями... И вотъ ходишь по улицамъ, взлазишь на стѣны домовъ, бродишь по основаніямъ базиликъ—подъ жгучимъ, палящимъ солнцемъ—пытаешься оживить фантазіей эти развалины—вызвать въ живомъ образѣ прошлое города—и увы—фантазія отказываетъ тебѣ въ этомъ. Слишкомъ слабы остатки прошлаго, или вѣрнѣе—слишкомъ печальна ихъ обстановка, ихъ сохранность. Печальная книга Русская Помпея—и еще нескоро она заслужитъ по справедливости это названіе. Херсонесъ не бѣденъ памятниками: загляните въ музей—что тамъ дѣлается; но онъ бѣденъ вниманіемъ къ своимъ развалинамъ, къ тому, что заключается въ нихъ.

Ежедневно по морю въ лодкѣ совершаю путешествіе въ этотъ унылый городъ и отдыхаю лишь въ его музеѣ, въ его нѣсколькихъ церквахъ, сохранившихъ въ цѣлости мозаичныя украшенія. Масса памятниковъ, но разрушенныхъ—сохранилась отъ сихъ церквей—главнымъ образомъ скульптуры: барельефы, колонны, капители и т. п.

Изучая ихъ, видишь, что Херсонесъ, не былъ бѣденъ, что онъ жилъ культурной жизнью. Его культура оказывала вліяніе и на нашу древнюю Русь.

Живя здѣсь, вспоминаю о своихъ близкихъ и подъ этимъ воспоминаніемъ пишу Вамъ, дорогой Николай Θεодоровичъ!

Въ началѣ іюля, вѣроятно, вернусь въ Харьковъ, а затѣмъ побываю въ Васищевѣ, гдѣ Вашъ крестникъ все еще временами побаливаетъ.

Сердечный привѣтъ Вашему семейству. Душевно преданный Вамъ
Е. Рѣдинъ.

Харьковъ 4 іюля 1904 г.

Дорогой Николай Θεодоровичъ!

Вотъ уже дня 4, какъ я чувствую себя почти совсѣмъ хорошо. Только еще много ходить не могу и долго стоять. Но настроеніе въ общемъ гораздо лучше, чѣмъ прежде, и бодрѣ смотрю на свѣтъ Божій. Одушевляюсь и для работы и дѣлаю кое-что.

Но съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о днѣ отъѣзда. Хочется по-смотреть на море и подышать его живительнымъ воздухомъ, полюбоваться его красотою...

Почувствовать лучше, былъ уже нѣсколько разъ у своихъ на дачѣ. Сыночекъ, мой, а Вашъ крестникъ поправляется, цѣлые дни проводить

на воздухѣ и даже загорѣлъ. Но капризенъ по прежнему и все отдаетъ приказанія ¹⁾).

Примите сердечный привѣтъ отъ него (моими устами) и отъ его матушки, столь усердно ухаживающей за единственнымъ сыночкомъ...

Желаю отъ всей души отдохнуть Вамъ отъ всѣхъ городскихъ думъ и заботъ въ своемъ тихомъ, поэтическомъ хуторочкѣ, съ вишневыми садами, прудомъ, съ полями и лугами, и съ живоноснымъ молочкомъ и всѣми тѣми прелестями, что выходятъ изъ рукъ хозяйки хуторочка и ея помощницъ... Вашему юношѣ Петѣ, привѣтъ (онъ это лѣто навѣрно хорошо себя чувствуетъ), Вашей милѣйшей дочери — украинкѣ Марусѣ (Марьѣ Николаевнѣ) также особый привѣтъ (на чемъ она играетъ въ лунныя ночи? жаль, что у Васъ нѣтъ въ хуторѣ рояля). И наконецъ Сергѣю Николаевичу, Вашему скромному Сережѣ также особый привѣтъ.

Кіевъ 7 іюля 1904 г.

Дорогой Николай Θεодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и Вашему семейству.

Я въ древней великокняжеской столицѣ, матери русскихъ городовъ Кіевѣ. Съ чувствомъ благоговѣнія подѣзжалъ я къ нему, и приходилъ въ восторгъ, любуясь его замѣчательнымъ поэтическимъ мѣстоположеніемъ, тѣмъ видомъ, что открывался на него...

Чудный широкій Днѣпръ, а на берегу горы въ зелени, и среди нея въ различныхъ мѣстахъ церкви съ златоглавыми куполами... Поѣздъ взобрался на гору, и ты видишь уже весь городъ. Онъ раскинулся по отдѣльнымъ горамъ. Въѣзжаешь въ него и поражаешься чистотѣ его улицъ, красотѣ и величинѣ его зданій, обилію зелени, обилію всевозможныхъ заведеній, магазиновъ, и оживленности.

Въ Кіевѣ я былъ лишь лѣтъ 16 тому назадъ и потому получаю отъ него впечатлѣнія, какъ отъ впервые посѣщаемого города.

Богатство города и оживленность настолько велики, что часто забываешь, что ты въ провинціальномъ городѣ. Такъ и кажется, что ты въ Москвѣ или Петербургѣ.

Съ вокзала я проѣхалъ въ гостиницу, гдѣ остановился Д. В. Айналовъ и поселился вмѣстѣ съ нимъ.

¹⁾ Боюсь, какъ бы еще изъ него не вышелъ вояка... А горе нашимъ воякамъ жаль ихъ вмѣстѣ съ бѣдной нашей родиной.

Свою работу начали посѣщеніемъ Десятинной церкви, построенной въ 30-хъ годахъ XIX в. на мѣстѣ и на фундаментахъ старѣйшей Кіевской церкви, относящейся ко временамъ св. Владиміра. Въ настоящее время въ церкви производится ремонтъ. При раскапываніи пола наткнулись на нишу, заложенную кирпичемъ. По вскрытіи ея нашли громаднѣйшій каменный гробъ (саркофагомъ назвать его нельзя, такъ какъ всѣ четыре стѣнки самостоятельны и не скрѣплены одна съ другой плотно, а лишь приставлены) — одинъ изъ тѣхъ двухъ гробовъ, которые до постройки новой церкви были открыты въ 1825 г. въ основаніяхъ древней, и отнесены были къ гробницамъ св. Владиміра и св. Ольги. Но не смотря на это отнесеніе — гробницы не увидѣли свѣта: онѣ были закопаны вновь. И вотъ теперь вновь открыта одна изъ этихъ гробницъ, приписываемая св. Владиміру. Она уже болѣе не будетъ закрыта; къ ней будетъ сдѣланъ доступный ходъ.

Гробница-ли это Владиміра — вопросъ и большой; но она несомнѣнно весьма древняя и представляетъ большой интересъ.

Я и Айдаловъ осмотрѣли эту гробницу, много повозились около нея; громаднѣйшій трудъ стоило фотографированіе ея — на помостѣ; но я сомнѣваюсь, чтобы что-нибудь вышло: темно, и аппаратъ нельзя далеко отодвинуть.

Изъ Десятинной церкви направились въ Златоверхо-Михайловскій монастырь и здѣсь на наружной стѣнѣ увидѣли два древнихъ рельефа (св. воины на коняхъ), которые также сфотографированы.

Вошли во внутрь церкви, современной св. Софіи (Кіевской) и копирующей ея планъ, ея украшенія (мозаики) и съ хоръ любовались на алтарную мозаику XI в., изображающую Евхаристію, на мозаику на столбахъ триумфальной арки и древнія фрески на тѣхъ-же столбахъ.

14 лѣтъ тому назадъ студентами мы были въ этомъ храмѣ, смотрѣли на живопись и не видѣли многого того, что теперь увидѣли. Какъ мѣняется пониманіе глаза съ развитіемъ его въ наблюденіи надъ извѣстными предметами.

Долго мы пробыли на хорахъ; все возились надъ фотографированіемъ. Трудно примѣниться къ условіямъ освѣщенія, а равно къ разстоянію отъ снимаемыхъ изображеній.

Усталые вернулись въ гостиницу, оставили аппаратъ и въ ресторанѣ на Крещатикѣ — пообѣдали.

Крещатикъ!... Это Невскій Петербурга. Я въ восторгѣ отъ всего, что вижу на немъ и вообще въ Кіевѣ. Послѣ обѣда прогулялись по Крещатику и вернулись домой. День былъ отчасти холодный и съ силь-

нымъ вѣтромъ. Былъ уже вечеръ. Чаепитіе долго продолжалось съ бесѣдой—о жизни Айналова въ СПБ., съ воспоминаніями о прошлой нашей жизни.

Закончили вечеръ чтеніемъ архивнаго дѣла, взятаго нами у свящ. Десятинной церкви, о находкахъ въ фундаментахъ древней церкви.

8 іюля (четвергъ).

Какой изящной красоты Андреевская церковь! Высокая, стройная съ красивыми колоннами. Я любовался на нее, проѣзжая мимо по спуску на Подоль. Цѣлое утро мы провели въ музеѣ Духовной Академіи. Чего только нѣтъ въ этомъ музеѣ! Какія собраны здѣсь богатства по различнымъ отдѣламъ древностей, памятниковъ искусства. Наиболѣе богатъ церковный отдѣлъ... Вотъ идеаль, котораго долженъ былъ бы въ моихъ мечтахъ достигнуть такого рода музей у насъ въ Харьковѣ.

Только въ 3 часа мы попали въ Софіевскій соборъ—лучшую и замѣчательнѣйшую церковь Кіева, дошедшую до насъ отъ XI вѣка въ довольно хорошей сохранности со своими мозаиками, фресками.

Посѣщеніе этой церкви вызвало во мнѣ пріятныя воспоминанія о томъ времени, когда я съ Айналовымъ, студентами на послѣднемъ курсѣ работали въ ней, посѣщали ее ежедневно болѣе двухъ недѣль и внимательно описывали ея живопись.

Какъ намъ дорогъ былъ этотъ памятникъ русско-византійскаго искусства, который мы, юноши, впервые видѣли воочію и впервые должны были подвергнуть научному изслѣдованію. И я съ истиннымъ удовольствіемъ осматривалъ давно знакомые художественные образы, тѣ или иные предметы. Мнѣ такъ много говорилъ этотъ дивный, величественный образъ Богородицы въ абсидѣ, этотъ Христосъ-Вседержитель въ куполѣ, эти фрески со скоморошскими играми и многими любопытными сюжетами, что идутъ по стѣнамъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры храма.

Мы занимались сегодня въ крещальнѣ церкви, прежде намъ неизвѣстной и служащей нынѣ музеемъ. Тутъ собраны мраморы—колонны, нѣсколько чудныхъ капителей, вѣроятно времени Владиміра, т. е. вѣка X. На стѣнахъ крещальни остались фрагменты фресокъ, но очень плохой сохранности, и всѣ наши труды снять ихъ, повидимому (еще не проявили), были напрасны.

Погода сегодня мягче и вечеромъ мы отправились погулять. Мы на вершинѣ той горы, на которой стоитъ памятникъ св. Владиміру. Здѣсь разбитъ садъ и устроены аллеи для гулянья. И Кіевляне поль-

зуються этимъ мѣстомъ: здѣсь ихъ множество гуляетъ и любитъ видѣть, открывающимся на Днѣпръ. Чуденъ этотъ видъ, типиченъ! На далекое пространство виденъ въ одну и другую сторону Днѣпръ со множествомъ ѣдущихъ по немъ пароходиковъ. По обѣимъ сторонамъ берега тянутся красиво огоньки... Влѣво виденъ обширный Подоль—одна изъ частей древняго города, со множествомъ церквей. Видъ—не только типиченъ, но и грандіозенъ и временами забываешь, что ты видишь внизу рѣку, тебѣ кажется, что это море, тянущееся до самого синѣющаго вдали горизонта.

Любуясь и наслаждаясь чѣмъ-нибудь хоришимъ, всегда вспоминаешь о родномъ—какъ пунктѣ сравненія.

Вспоминалъ я и нашъ бѣдный, но все-же милый Харьковъ... Онъ очень и очень бѣденъ по сравненію съ этой южной-красавицей, пережившей уже столько вѣковъ и не старѣющей, а все болѣе и болѣе пышно разцвѣтающей—Кіевомъ. Если бы у нашего Харькова была бы такая-же рѣка, если бы у него было столько же зелени, такіа-же улицы, площади, такіа зданія.

Пятница 9-го.

Опять работа въ крещальнѣ Софійскаго собора, на хорахъ Злато-верхо-Михайловскаго монастыря и послѣ обѣда—посѣщеніе Лавры.

Электрическій трамвай дѣлаетъ здѣсь чудеса, переноситъ васъ такъ удобно и быстро на далекія разстоянія. Съ помощью трамвая мы скоро попали въ Лавру, находящуюся уже за городомъ. Отъ трамвая придется пройти еще длинную улицу, мимо укрѣпленій времени Николая I; тутъ-же тянутся лавченки со специальнымъ товаромъ—иконами, крестиками, амулетами и т. п., назначенными для паломниковъ—нашего бѣднаго и дѣйствительно темнаго, какъ онъ самъ о себѣ выражается, народа. Онъ несетъ свои лучшія чувства—вѣру, любовь, благоговѣніе къ святынь, а что онъ получаетъ? Что онъ видитъ здѣсь? Что здѣсь съ него прежде всего требуютъ? Какъ съ нимъ обращаются?

Алчность, сребролюбіе—вотъ божество тѣхъ жрецовъ, что стерегутъ здѣсь святыню. Грубость, невѣжество—вотъ ихъ высшія качества, и съ этими качествами соотвѣтствующимъ образомъ они встрѣчаютъ бѣдный, «забитый» народъ. Любовь къ близкимъ! какъ хорошо проявили наши монастыри эту любовь въ переживаемую нашей родиной тяжелую годину войны. Много-ли мы слышимъ о ихъ пожертвованіяхъ? А вѣдь такіе монастыри, какъ Кіевская Лавра, или Московская Троица—миліонеры.

Въ Лаврѣ намъ надо было увидѣть двѣ древнихъ плиты съ рельефными изображеніями Вакха, везомаго на колесницѣ двумя львами и Самсона, раздирающаго пасть льву. И сколько труда и времени пришлось потратить, чтобы узнать—гдѣ эти рельефы. Не звать ихъ трудно, т. к. они вставлены въ стѣну снаружи зданія. Мы спрашивали многихъ монаховъ—одни не отвѣчаютъ, а другіе ничего не знаютъ. Послѣ блужданій туда, сюда—отъ отца бібліотекаря, къ отцу ризничему и т. п., узнали, что они вставлены въ стѣну надъ воротами типографіи. Побѣда! Увидѣли, сфотографировали. Но посѣтить ризницу—не удалось: вечерня, канунъ большого праздника... Что-же дѣлать? У каждого своя служба, свои идеалы...

Сегодня пріѣхала изъ Чернигова супруга Айналова и вечеромъ втроемъ мы гуляли въ прекрасномъ саду «Шато де флеръ», расположенномъ по горѣ, у Днѣпра—съ тѣмъ же чуднымъ видомъ на него, который открывается и съ горы памятника св. Владиміра. Въ саду играетъ прекрасный струнный оркестръ, подъ управленіемъ директора филармоническихъ оркестровъ чешскаго въ Прагѣ и польскаго во Львовѣ Л. В. Челанскаго. Но народу, слушающаго музыку, мало: прохлада очень сильная, не соотвѣтствующая времени.

Садъ очень красиво убранъ, и въ немъ дѣйствительно много цвѣтовъ, живописно расположенныхъ, изящно обрамляющихъ изгибы его.

Вернулись домой, и длинная бесѣда о прошломъ.

Завтра оканчиваемъ работу, собираемся посѣтить церковь въ Вышгородѣ, если только найдемъ удобнымъ идти туда и завтра-же, или въ Воскресенье направимся въ Севастополь.

Поѣздка въ Вышгородъ, село, расположенное въ 15 в. отъ Кіева, удалась: мы наняли экипажъ и совершили прекрасную прогулку. Но археол. результаты ничтожны: сняли фотографію съ древней (XI—XII в.) гробницы, похожей на гробницу въ Десятинной ц.

Сегодня въ Воскресенье (11) въ 6 ч. вечера мы выѣзжаемъ въ Севастополь.

Херсонесъ 1904 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Очень часто вспоминаю о Васъ, и заносю свои дневныя впечатлѣнія—какъ бы бесѣдую съ Вами. Извините, если въ этой бесѣдѣ иногда очень кратокъ и сухъ.

Вчера въ полдень мы приѣхали въ Севастополь. Дорога отъ Кіева была трудна; въ вагонахъ было душно и первую ночь я спалъ мало. Большую часть времени въ дорогѣ мы проводили въ чтеніи газетъ, которыхъ я накупилъ много, и петербурскаго, и московскаго, и кіевскаго, и харьковскаго издѣлія... Въ большинствѣ повторяется всё одно и то-же.

По приѣздѣ, пообѣдавъ, стали искать квартиру. Осмотрѣли весь районъ около набережной; нашли множество комнатъ, но все мало подходящихъ. Ходили до вечера и сильно устали.

Сегодня съ утра продолжили свои изысканія, и, наконецъ, нашли— въ частной квартирѣ: Айналовъ съ супругой въ бель-этажѣ, а я въ верхнемъ этажѣ. Моя комната, не смотря на то, что она дешевле (20 р. въ мѣсяцъ, а ихъ 25 р.), оказалась лучше, чище и видъ изъ оконъ на море красивѣе. Домъ стоитъ у набережной, и потому море совсѣмъ близко, и мы дышемъ имъ, любимся имъ. А есть чѣмъ любоваться! Въ немъ такъ много красоты, поэзіи... Отъ него идетъ такая свѣжесть— бодрящая, поднимающая энергію, что отъ него нельзя не придти въ восторгъ, восхищеніе...

Дни стоятъ жаркіе; солнце прямо таки жжетъ, и тѣмъ не менѣе чувствуется на улицѣ нѣкоторая прохлада, конечно, идущая отъ моря. Особенно хорошо здѣсь теперь утромъ и вечеромъ.

Въ Херсонесъ мы успѣли собраться только подъ вечеръ. Сегодня канунъ храмоваго праздника въ монастырѣ (св. Владиміръ), и между городомъ и монастыремъ ходятъ паракостики. На паракостикѣ мы и совершили поѣздку. Была мертвая качка и паракостикъ подбрасывало высоко. Пріятное ощущеніе, пока дѣло ограничивается этимъ. Приѣхали и прямо въ музей къ завѣдывающему раскопками. Съ нимъ длинная бесѣда о новѣйшихъ находкахъ. Видѣли огромную его семью съ сыновьями, дочерьми, внуками, внучками, и гостями (человѣкъ около 20)—все молодежь!..

Вернулись къ 10 ч., и отправились гулять въ садъ, что на берегу моря; здѣсь играетъ струнный оркестръ, къ сожалѣнію, состоящій исключительно изъ матросовъ (лишь 2 скрипки и 1 віолончель—штатскіе). Оркестръ играетъ хорошо, но не художественно.

Четвергъ 15-го.

Пишу эти строки въ полночь, вернувшись съ прогулки. Что за чудная ночь! Тихая, свѣтлая (свѣтитъ луна), прохладная... Луна освѣщаетъ горы, море, бульваръ съ его южной растительностью и придаетъ всему поэтическій отпечатокъ. И безъ луннаго освѣщенія все такъ кажется прекраснымъ при этомъ морѣ, составляющемъ лучшее украшеніе

Севастополя; лунное же освѣщеніе еще сильнѣе отбѣняетъ красоту всей обстановки.

Мнѣ, харьковцу, не избалованному красотами природы, привыкшему къ сѣровой, убогой обстановкѣ города, — эта представшая здѣсь предомной картина — съ видомъ моря на заднемъ планѣ — кажется фантастичной, чуднымъ соннымъ видѣніемъ. А между тѣмъ это — настоящая дѣйствительность. Я сейчасъ только что стоялъ у окна своей комнаты и любовался моремъ, я сейчасъ слышу шумъ отъ прибоя волнъ его къ берегу; я сейчасъ вижу огоньки на пароходахъ на противоположномъ берегу — у знаменитой Константиновской батареи... Я дышу прохладой моря, его свѣжестью, я чувствую себя бодрымъ. Мнѣ такъ пріятно, хорошо... Жаль только, что со мной нѣтъ моихъ дорогихъ, близкихъ. Сегодня въ виду большого праздника въ Херсонесѣ мы не ѣздили туда, а занимались дома, подготавливаясь къ работѣ.

Послѣ обѣда и вечеромъ много гулялъ по бульвару; встрѣтилъ д-ра Баранникова съ семьей. Оркестръ играетъ плохо: сегодня былъ духовой; силы онъ громадной, но что за исполненіе, что за выборъ пьесъ! Всѣ казарменное и словно для слушателей изъ казармы. Послѣ струнной артистической музыки это прямо таки понижаетъ художественный вкусъ...

Пятница 16-го.

На большой лодкѣ, подъ парусомъ мы направились къ Херсонесу, другой предполагаемой колыбели земли Русской, пріобшившейся здѣсь въ лицѣ В. К. Владиміра къ церкви христіанской. Мы выѣхали изъ Артиллерійской бухты и все время держались лѣвой стороны, представляющей высокій выступъ съ устроенными на нихъ батареями. Здѣсь теперь происходитъ старательное ученіе стрѣлковъ изъ пушекъ. Выстрѣлы то и дѣло раздаются, и заряды летятъ, можно сказать, надъ нашими головами. Но они летятъ очень высоко и потому безопасно. Но мы вообще мало обращаемъ вниманія на пальбу. Мы обращаемъ главное вниманіе на море, на его отбѣнки, на его волны и постоянное движеніе. Какъ пріятна ѣзда на лодкѣ въ морѣ! Кругомъ тебя просторъ; отъ воды вѣетъ прохладой, дышется такъ легко, свободно, и не замѣчаешь, не чувствуешь солнца, такъ сильно дающаго знать о себѣ на сушѣ.

Древній Херсонесъ... Вотъ онъ на горѣ, занимающій полуостровъ — весь въ развалинахъ; центръ развалинъ заняла новѣйшая церковь св. Владиміра и постройки монастыря. Мы идемъ на развалины, посѣтить знаменитую базилику, впервые открытую въ 1853 г. гр. Уваровымъ,

рядомъ съ ней находящуюся крещальню. Солнце печетъ и жжетъ. Кругомъ сѣро и однообразно: запущенныя развалины, съ бурьяномъ разросшимся на нихъ и заполонившимъ ихъ.

Въ воздухѣ то и дѣло слышны сильныя удары и взвизгиванія отъ летящихъ въ море зарядовъ, пускаемыхъ артиллеристами, учащимися стрѣльбѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ виднѣются холмы укрѣпленій съ грозными пушками; по холму ходитъ часовой съ ружьемъ. Внизу недалеко синѣющее море, ударяющее волнами о берегъ Херсонеса и постепенно разрушающее ихъ съ развалинами древняго города.

Выстрѣлы изъ пушекъ напоминаютъ тебѣ о далекомъ краѣ, гдѣ раздаются такіе же выстрѣлы (т. е. о Манчуріи), но несущіе смерть нашимъ братьямъ. И выстрѣлы, и солнце, и хожденіе по развалинамъ утомляютъ меня, и я сажусь на остатки стѣнъ на камни базилики Уварова.

Я вспоминаю о родномъ домѣ, о семьѣ, дорогомъ сынѣ. Я успокоился, отдохнулъ. Выстрѣлы умолкли. И наша работа по осмотру, изученію развалинъ стала доставлять мнѣ удовольствіе, и самая картина развалинъ предстала въ полномъ свѣтѣ, болѣе привлекательномъ, заставляющемъ работать воображеніе.

Около 5 час. вечера мы вернулись въ Севастополь, довольные результатами своей работы. Вечеромъ гуляли по бульвару, любовались моремъ, а ночью занимались, подготавливая матеріалъ для занятій слѣдующаго дня.

Суббота 17-го.

Печальный и мрачный сегодня день. Уже съ утра хмурило, а къ 11 часамъ пошелъ дождь, лившій до самаго вечера. Утромъ до дождя мы проѣхали въ Херсонесъ на лодкѣ, но обратно принуждены были вернуться въ фэтонѣ: море бушевало; на утломъ челнѣ было опасно пускаться въ него. Заниматься пришлось больше надъ книгами, т. к. подъ дождемъ, при холодномъ вѣтрѣ гулять по развалинамъ невозможно.

Воскресенье 18-го.

Чудный, тихій, теплый день! послѣ вчерашняго дня—прелесть настоящего особенно чувствуется. И что за прекрасное мѣсто посѣтили мы на развалинахъ. Далеко за монастыремъ, въ самомъ концѣ (за паркомъ) древняго города, у стѣнъ, у морского берега—находится большая базилика, по типу архитектурному, по величинѣ приближающаяся къ Уваровской базиликѣ. Съ основанія абсида, боковыя придѣлы, и находя-

щаяся сзади ея часовня надъ усыпальницей—прекрасно сохранились, и по нимъ можно составить прекрасное понятіе о древне-христіанской и византійской базиликѣ вообще и въ частности—о Херсонесскихъ базиликахъ.

Эта базилика въ своихъ развалинахъ содержится въ порядкѣ, въ чистотѣ, ни одна часть не завалена, и вотъ въ такомъ порядкѣ должны бы содержаться всѣ развалины Херсонесса. А этого къ сожалѣнію нѣтъ. Открытое, вскрытое или засыпается, или бросается на произволъ природы и людей и въ результатъ оно разрушается, загрязняется, и предъ нами предстаютъ не научно произведенныя раскопки, а грабительскія, преслѣдуя одну цѣль добычи побольше вещей. Такъ когда то велись раскопки Помпеи, но теперь уже давно это оставлено и раскопка ихъ ведется научно, прежде всего заботятся о возстановленіи города, о сохраненіи найденныхъ памятниковъ въ томъ видѣ, какъ они были открыты. Да, намъ далеко до запада во всемъ.

Базилика, какъ я сказалъ, далеко отъ всѣхъ другихъ развалинъ, у городскихъ стѣнъ, у моря. Поэтическую картину представляютъ развалины ея, этихъ стѣнъ съ башнями, съ заложенными воротами, и съ этимъ моремъ, здѣсь предстающимъ особенно прекраснымъ, восхитительнымъ въ своемъ просторѣ. въ своихъ переливахъ цвѣтовъ... Чудное мѣсто! Мы долго сидѣли у стѣнъ города, любуясь на общую картину руинъ и на море. Не хотѣлось уходить, не хотѣлось ни о чемъ говорить, и только хотѣлось сидѣть, любоваться и мечтать. И нигдѣ такъ мечты не посѣщаютъ тебя, какъ въ поэтической обстановкѣ, и нигдѣ такъ сильно не ощущается отсутствіе того, въ чемъ чувствуешь потребность, что для тебя дорого, необходимо...

Вечеромъ гуляли по Нахимовскому бульвару. Масса народу гуляющего, особенно моряковъ, все шествующихъ въ сообществѣ съ женскимъ поломъ. Удивительное проявленіе нѣжности: идутъ, держась за руки.

Были у Графской пристани и любовались на море, напоминающее въ данномъ мѣстѣ Венеціанскій Большой Каналь съ сплывающими по нему гондолами--вечеромъ, ночью...

Встрѣтилъ на улицѣ бывшую хозяйку дома на Старомосковской ул., гдѣ я жилъ и дѣвушку—зубного врача—изъ Харькова. Удивительно—какъ радушна бываетъ встрѣча въ чужомъ городѣ земляковъ хотя бы и мало знакомыхъ на родинѣ!

Получилъ сегодня отъ Васъ милое, любезное, интересное письмо, сильно обрадовавшее меня, доставившее истинное удовольствіе. Сердечно благодарю за него.

Понедѣльникъ 19-го.

Уже нѣсколько разъ посѣщаемъ базилику съ прекрасной мозаикой на полу. Любопытная особенность этой базилики та, что она заключаетъ въ себѣ наслоеніе двухъ: одной древней обширной и другой болѣе новой уменьшенной такъ что видны двѣ абсиды; колонны древней употреблены въ качествѣ матеріала для образованія основаній, на которыхъ въ два ряда ставятся колонны; послѣдними обыкновенно базилика раздѣляется на 3 части.

Въ Херсонесѣ много большихъ базиликъ, но еще больше маленькихъ церквей и часовень. Особено интересны часовни, построенныя надъ усыпальницами, служившими таковыми для цѣлой семьи, фамиліи.

Эти часовни любопытной архитектуры, нѣсколькихъ типовъ. Многія изъ нихъ въ свое время, при открытіи ихъ, были прекрасной сохранности... И лишь наша русская халатность допустила, чтобы эти прекрасные памятники пришли въ почти полное разрушеніе и загрязненіе. Грабители мы, а не ученые открыватели древностей... Вытащили вещи, разрушили могилы, своды, лѣстницы и ни о чемъ болѣе не заботимся. Главное хотъ бы въ свое время снять былъ надлежащій планъ, фотографіи, хотъ бы все это было издано, описано. А то ни вѣрнаго плана, ни фотографій; однѣ развалины. Узнавай самъ, если хочешь, что было. Пренебреженіе къ памятникамъ поразительное и прямо преступное...

Вечеромъ были на Графской пристани. Феерическая картина! Оба берега освѣщаются время отъ времени электрическимъ свѣтомъ съ военныхъ судовъ, производящихъ ученіе—пріобрѣтенія навыка наводить освѣщеніе на предметы.

Вечера чудные. Хорошо гулять и по городу, и у морского берега. Дышется легко; прохладно, и не хочется идти домой, хотя у меня изъ оконъ видно и море, и почти всѣ пристани, и слышенъ прибой морскихъ волнъ.

Сегодня я получилъ множество писемъ и очень радъ доброй памяти обо мнѣ.

Вторникъ (20) Среда (21).

И сегодня и вчера продолжали осмотръ храмиковъ, часовенъ, выстроенныхъ надъ усыпальницами и все поражались и красотой ихъ, и ихъ обиліемъ.

Да, хорошо, можно сказать— христіанская русская Помпея; только мы не умѣемъ ни открывать ее, ни еще менѣе сберегать открытое...

Для осмотра церквей приходится очень много ходить по развалинамъ, и я сегодня и вчера чувствовалъ большую усталость. А тутъ еще жгучее солнце... Я сильно уже загорѣлъ.

Четвергъ (22 іюля).

Сегодня мы почти закончили обзоръ всѣхъ открытыхъ базиликъ, часовенъ; завтра посѣтимъ интересный загородный храмъ съ мозаиками, займемся затѣмъ фотографированіемъ. Сегодня до 8 ч. веч. мы не уѣзжали въ городъ, т. к. по случаю именинъ жены завѣдывающаго раскопками были приглашены на обѣдъ, и послѣ долго сидѣли — всѣ у моря, у развалинъ музея, и бесѣдовали на тему о войнѣ. Гостей много было — дѣвицы, офицеры. Обратный проѣздъ вечеромъ по морю особенно былъ пріятенъ, хотя море и не совсѣмъ было спокойно.

Пятница (23 іюля).

Тяжелый день! Съ утра отправились въ Херсонесъ за стѣны древняго города въ мѣсто, гдѣ расположено древнее кладбище. Здѣсь въ 1902 г. открыта церковь крестовидной формы, довольно хорошей сохранности съ замѣчательной мозаикой на полу—VI вѣка. Такое громадное пространство мозаики и такая хорошая сохранность стѣнъ церкви, хотя здѣсь, почти исключительно для Херсонеса, а потому понятно, какое значеніе имѣлъ этотъ памятникъ для христіанской археологіи вообще и для исторіи памятниковъ искусства въ Херсонесѣ въ частности. Нужно прибавить еще, что подъ церковью и другими зданіями вокругъ нея — устроены катакомбы, которыми сначала пользовались язычники, а позже христіане; множество памятниковъ найдено и въ храмѣ и вокругъ него въ могилахъ, вырубленныхъ въ скалахъ. Мы много возились и въ храмѣ, надъ которымъ теперь устроена деревянная крыша для предохраненія отъ поврежденія мозаики, и снаружи, осматривая все подробно и фотографируя. Послѣ этого храма посѣтили рядъ другихъ, все фотографируя, и довольно далеко отъ батареи получили запрещеніе вообще

снимать безъ разрѣшенія. Явился жандармъ и сказалъ, что онъ можетъ насъ арестовать, что надо получить разрѣшеніе отъ коменданта крѣпости.

Тутъ, при бесѣдѣ нашей былъ завѣдывающій раскопками. Мы выражали свое удивленіе. Странное дѣло — завѣдующій, какъ хозяинъ раскопокъ, разрѣшаетъ фотографировать, а жандармъ — именемъ коменданта не разрѣшаетъ. Кто же настоящій хозяинъ? Признаюсь — насъ очень поразило поведеніе самого завѣдывающаго, не давшаго должнаго отпора глупому жандарму, не понимающему ни своихъ обязанностей, ни того, что ему говорить и объясняютъ.

Вечеромъ въ Севастополѣ встрѣтили проф. Завитневича, который будетъ заниматься древностями Херсонеса, имѣющими сходство съ курганами. Онъ ѣдетъ теперь съ молодой женой въ Ялту.

Суббота и воскресенье (24—25 іюня).

Вчера пѣлый день ушелъ на хлопоты добывать разрѣшенія фотографировать развалины. Были у коменданта крѣпости, въ штабѣ и, наконецъ, получили! О, какіе мы молодцы въ формализмѣ! Мы тутъ строги... а въ серьезномъ дѣлѣ у насъ халатность, лѣнь и обманъ... Сегодня отчаянно жаркій день. Солнце палить невыносимо и прогулка по развалинамъ прямо подвигъ. А намъ все приходится фотографировать развалины, таскать аппаратъ, и въ довершеніе негдѣ утолить жажду.

Понедѣльникъ — вторникъ (26—27).

Солнце, жгучее солнце!.. Какъ оно сильно даетъ знать о себѣ. Подъ его палящими лучами мы всѣ ходимъ по развалинамъ и фотографируемъ базилики, часовни смѣло и храбро, съ разрѣшеніемъ въ карманѣ. При фотографированіи вблизи батареи — на насъ кричатъ солдаты, подходятъ съ ружьемъ, мы выпинаемъ разрѣшеніе, и они болѣе или менѣе успокаиваются. Четыре батареи (на самихъ развалинахъ) ничтожныя и, повидимому, мнимая защита. а сколько изъ за нихъ непріятностей...

Среда (28).

Начали занятія въ музеѣ. Здѣсь въ тѣни, подъ крышей, чувствуется легче. Но эта громада мрамора, перетащенного сюда безъ всякаго порядка изъ базиликъ, часовенъ, подавляетъ тебя. Ты не можешь въ ней ориентироваться, т. к. всякіе слѣды о происхожденіи ихъ изъ той или иной церкви утеряны. Уѣхали въ городъ раньше, такъ какъ Айналову нездоровилось.

Душевно преданный весь Вашъ *Е. Рьдинъ*.

Одесса 9 августа 1904 г.

Дорогой Николай Θεодоровичъ!

Покинувъ Севастополь, я направился въ Одессу, гдѣ обитаю уже три дня. Съ какимъ удовольствіемъ я хожу по прекраснымъ улицамъ этого города, южной красавицы Россіи, люблюсь его монументальными художественно отдѣланными зданіями, его роскошными магазинами, многочисленными сквериками, и дивнымъ моремъ.

Гуляя по улицамъ, посѣщая извѣстныя мѣста, я переживаю вновь тѣ лучшія чувства своей, увы, невозвратной юности, которыя я переживалъ здѣсь, будучи студентомъ Университета. Съ чувствомъ благоговѣнія подходилъ я теперь къ своей дорогой alma mater и съ грустью, но и съ благодарной памятью вспомнилъ о дорогомъ — учителѣ — человѣкѣ, отъ котораго такъ много получилъ въ стѣнахъ ея...

Стоя у подъѣзда университета, я вспомнилъ о мечтахъ и грезахъ своей юности, о своихъ идеалахъ... Достиженіе идеала трудно и не всѣ мечты осуществились, да и назначеніе мечтѣ — въ наслажденіи ея самою по себѣ. На мѣсто одной являются другія. Но лучшее, дорогое, что связано съ этими мечтами — не исчезаетъ оно — основа жизни.

Объ этой основѣ въ поэтической окраскѣ юности я и вспоминалъ теперь такъ живо — у дверей университета, ходя вокругъ него.

Эти три дня, проведенные мною здѣсь, доставили много счастья и своимъ настоящимъ — созерцаніемъ — прекраснаго культурнаго города, и своимъ прошлымъ — воспоминаніемъ о жизни въ годы студенчества... Но съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ я стремлюсь возвратиться въ свой городъ, гдѣ обрѣлъ я милыхъ и дорогихъ моему сердцу людей, чтобы въ общеніи съ ними дѣлать дорогое дѣло по мѣрѣ силъ и способностей....

Никого изъ своихъ старыхъ знакомыхъ по университету я не засталъ въ городѣ: всѣ въ разъѣздѣ. Нашелъ лишь Попруженко, у котораго обѣдалъ и провелъ чудный вечеръ на берегу моря — на Большомъ фонтанѣ у него на дачѣ.

Сегодня, вѣроятно, закончу свои дѣла въ музеѣ Общества Исторіи и Древностей, и возвращусь домой. Я уже погулялъ достаточно, пора полюбоваться и своимъ роднымъ городомъ!..

Въ надеждѣ на скорое свиданіе, желая Вамъ, всего лучшаго, прося передать сердечный привѣтъ всему Вашему семейству, остаюсь душевно преданный и любящій Васъ, Вашъ *И. Рьдинъ*.

Дорогой Николай Оеодорович!

Я всё никакъ не соберусь зайти къ Вамъ, занятый личными дѣлами, а Вы вѣроятно, очень сильно заняты общественными, или вѣрнѣе государственными дѣлами. Ходятъ слухи, что Вы готовите что-то страшное, но пріятное по результатамъ, что Вы конкурируете съ комитетомъ министровъ. Какая досада, что сегодня не могу зайти къ Вамъ—общаться быть дома! Хотѣлось бы узнать хоть что-нибудь отъ Васъ, какъ отъ одного изъ героевъ... Но узнаю-же всё и свѣрю... А пока пожалуйста подѣлитесь со мной газетой «Наши Дни»: Я такъ и не получаю, не смотря на то, что подписался. Мнѣ *необходимо* имѣть, начиная съ № 24. Пожалуйста исполните просьбу человѣка, жаждущаго новостей зажига-тельныхъ, но сидящаго въ своей клѣтушкѣ всего только около зажига-тельной печки.

Душевно преданный Вашъ *Е. Рьдинъ*.

31-го янв. 1905.

Дорогой Николай Оеодорович!

Татьяна Николаевна и я шлемъ сердечный привѣтъ Вамъ и искрен-нее поздравленіе Васъ съ днемъ ангела и пожеланіе Вамъ здоровья и всего лучшаго.

Покорнѣйше просимъ принять отъ насъ скромный именинный подарокъ, заключенный въ посылаемой при семъ коробкѣ. Вскры-вайте ее осторожно, со вниманіемъ, но не бойтесь, въ ней нѣтъ.... бомбъ, впрочемъ, виновать, есть бомбы, но особаго рода, предназначенныя для пораженія Вашего сердца... Цѣль—натуральная, но средства не совсѣмъ натуральныя (реальная) и прекрасная (смѣю считать ихъ таковыми) бомбы—существа сказочныя.... Грѣшникъ: я люблю сказки, сказочное, и знаю, что вы грѣшны тѣмъ же... И потому надѣюсь доставить Вамъ удовольствіе тѣми сказочными существами, которыя появятся передъ Вами, выйдя изъ коробки.

Сказка, сказочное, фантастическое—самообманъ... Можетъ быть и я нѣсколько ошибусь въ своемъ ожиданіи—поразить Ваше сердце. Но я былъ пораженъ...

Во всякомъ случаѣ желаю Вамъ всего лучшаго, прекраснаго и въ воображеніи, и въ дѣйствительности, которую Вы, конечно знаете лучше меня...

Душевно преданный весь Вашъ *Е. Рьдинъ*.

9 мая 1905 г.
Мало-Гончаровская, 30.

Харьковъ 4 іюля 1905 г.

Дорогой Николай Оеодоровичъ!

Лѣто падить меня: у насъ жары спосны и бываютъ даже совсѣмъ прохладные дни. Словомъ—работать можно—только хватило бы силъ. И я работаю... Но въ иные дни, особенно подъ вечеръ—чувствую усталость, вялость. И я задаю себѣ вопросъ: усталъ-ли я, или залѣнился. Ложусь тогда спать рано и, о чудо, на утро чувствую лучше: ерго не залѣнился, а усталъ.

Но... долой усталость, работать надо во что бы-то ни стало, ибо работы и впереди много, а тамъ наступятъ опять эти страдные дни—засѣданій, мученій съ долгомъ, и съ другими тяжелыми вопросами. Вся Россія въ движеніи, въ чаяніи лучшаго будущаго.

Мы—представители унив.—это должны чувствовать, испытывать силыѣе другихъ.

И что-то осень дать намъ? И что мы дадимъ ей?

А своя работа также не ждетъ.....

И вотъ въ этой работѣ теперь стараюсь забыть грядущую осень. Но забыть трудно... Въ ушахъ такъ и звучить голосъ: ты гражданинъ, ты представитель науки... А наука идетъ и должна идти со знаменемъ прогресса.

— Знаю, знаю, отвѣчаю я этому голосу. Но дай мнѣ силъ сдѣлать все, что отъ меня требуется, дай поддержку въ окружающемъ, въ своихъ сотоварищахъ.

Перестанутъ голоса звучать въ ушахъ моихъ и я спокойнѣе занимаюсь. Но отъ нихъ нѣтъ покоя и во время отдыха, и во время чтенія газетъ, и въ прогулкахъ по лѣсу въ воскресные дни, когда ѣду на отдыхъ къ семьѣ своей... Но работа не ждетъ... И я все же работаю; и надъ диссерт., и надъ корректурами, и замѣтками.

Надѣюсь, что «Сборникъ» въ іюлѣ окончу.

Завтра пріѣзжаетъ Бабенко, что бы забрать для выставки этногр. манекены; онъ ихъ вернетъ. Извините, что въ виду экстренной надобности въ нихъ—не испросилъ предварительно Вашего разрѣшенія. Но они будутъ цѣлы и вернутся къ Вамъ.

Какъ-то Вы проводите время? Желаю Вамъ здоровья и всего лучшаго, отдыха на лонѣ природы, укрѣпленія.

Душевно преданъ весь Вашъ *Е. Рѣдинъ*.

Глубокоуважаемый Николай Θεодоровичъ!

Заинтересованный Вашимъ разсказомъ о мнимомъ мертвецѣ, я дома посмотрѣлъ Декамеронъ и нашелъ, что 1-я же новелла трактуеть о такихъ. Заглавіе ея таково:

Sir Cappelletto con una falsa confessione inganna uno santo frate, e muorsi: et essendo stato un pessimo uomo in vita, in morte è reputato per santo, e chiamato son Ciappalletto (изданіе Н. Decameron di messer Giovanni Boccaccio cittadino Fiorentino. Firenze 1824, p. 15 Ac).

О мнимой смерти разсказывается также въ новеллѣ 8-й 3-го дня (р. 111). Любопытная новелла 8—4 дня (146)—дѣвушка приходитъ въ церковь, гдѣ лежитъ мертвымъ ея возлюбленный и сама умираеть.

О мнимой смерти во 2-й новеллѣ 5-го дня (161).

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью *Е. Рьдинъ*.

Дорогой Николай Θεодоровичъ!

Простите меня грѣшнаго, что я до послѣдняго времени почти *ни-какихъ* бумагъ, какъ *секретарь* общества, не писалъ. Чувствуя этотъ тяжкій грѣхъ на душѣ своей, покорнѣйше прошу Васъ всякую бумагу требующую отвѣта съ соотвѣтствующею резолюціей присылать съ Николаемъ мнѣ, равно и не требующую, ибо я завелъ *входящую* и *исходящую* книгу, и ничего въ нихъ самъ не вписываю. *Секретарь!* Званіе—лестное, но по званію нужно и *должную* лямку нести, а посему не «кляните» меня и давайте мнѣ *должную* моему званію работу. Я буду считать за обиду, если таковой работы у меня не будетъ, а вмѣсто меня будутъ исполнять ее Вы или Евгеній Михайловичъ. Итакъ жду работы, работы, работы...

Сердечно преданный весь Вашъ *Е. Рьдинъ*.

